

18+

Мария Романушко

ЕСЛИ ПОЛЕТЕТЬ ВЫСОКО-ВЫСОКО...

роман-трилогия
«Побережье памяти»
книга третья

Мария Романушко

Если полететь высоко-высоко...
Роман-трилогия «Побережье
памяти». Книга третья

«Издательские решения»

Романушко М.

Если полететь высоко-высоко... Роман-трилогия «Побережье памяти». Книга третья / М. Романушко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513040-2

Рассказ о рождении сына, о радостях материнства. О друзьях, поддерживающих героиню в жизненных испытаниях. О творчестве, которое наполняет жизнь смыслом. О том, как непросто оставаться собой в мире соблазнов и искушений. Книга о вере и любви. На страницах романа читатель встретит замечательных людей: Юрия Никулина и Евгения Долматовского, отца Александра Меня и отца Дмитрия Дудко, Ролана Быкова и многих других...

ISBN 978-5-00-513040-2

© Романушко М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. «Здравствуйте, я – мальчик!»	6
Глава 1. Я ходила за три моря...	7
Глава 2. Какой в этом смысл?	24
Глава 3. Бессонное окно	43
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Если полететь высоко-высоко...
Роман-трилогия «Побережье
памяти». Книга третья
Мария Романушко

Мария Романушко *Иллюстратор*

© Мария Романушко, 2020

© Мария Романушко, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-3040-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-3041-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. «Здравствуйте, я – мальчик!»

Одна из самых ярких картинок твоего детства...

1980 год. Середина апреля. Неожиданно прижарило так, что, гуляя в сквере, ты разделся до трусиков и носился по золотым полянам мать-и-мачехи совершенно счастливый... Рвал и сыпал мне в подол влажные, горячие цветы:

– Это – для черепахи! На обед!

Ты был один загорающий. Остальные дети, в основном, в свитерах, а то и в куртках. Прохожие с восхищением и завистью смотрели на тебя и почему-то все называли тебя девочкой. Это из-за твоих длинных каштановых волос, которые, к тому же, ещё слегка и вьются. И ресницы густые и длинные. А глаза такие волшебные!.. То карие, то тёмно-зелёные... Бывают и серого, стального цвета. Твои глаза меняют цвет от твоего настроения, от окружающей обстановки. И опять слышу: «Ах, какая девочка!» Тебе это надоело. Ты стал подбегать ко всем проходящим по Берёзовой аллее и – звонко, радостно представлялся:

– Здравствуйте! Я – мальчик, Антон! Мне четыре года и три месяца! Я загораю!

Если проходил кто-нибудь с коляской, ты заглядывал в коляску и вежливо спрашивал:

– Я – мальчик, а у вас кто?

Хватался за коляску и катил её довольно долго, совершенно по-взрослому беседуя с мамой, или бабушкой ребёнка. Потом бегом возвращался ко мне.

– О чём ты говорил с тётей? – спрашиваю тебя.

– О разном... – солидно отвечаешь ты. – У неё девочка, у неё тоже нет прививок, как и у меня, и тоже нельзя ходить в детский сад.

И – убежал знакомиться с новым прохожим:

– Здравствуйте! Я – мальчик...

...Да, именно той весной ты открыл мне удивительный закон жизни. Как-то вечером, засыпая, ты спросил меня:

– Мама, а ты знаешь, что всё на свете круглое?

– Нет.

– А всё круглое! Я – круглый, ты – круглая, и всё-всё круглое!

– Почему тебе пришло это в голову?

– Понимаешь, если полететь высоко-высоко... то можно увидеть, что всё – КРУГЛОЕ!

И я подивилась твоему открытию. Да, наверное... может быть...

– Ты мой маленький мудрец! – сказала я.

– Почему маленький? Я большой мудрец! – смеёшься ты.

Глава 1. Я ходила за три моря...

...Идём с тобой по берегу нашей бухты... Пять лет назад, когда у меня ещё не было тебя, моего милого говоруна, моего маленького философа, я бродила по берегу этой бухты одна, в страшных сомнениях и терзаниях, не понимая, почему и зачем со мной всё это случилось. И некому мне было сказать тогда, что для того, чтобы увидеть смысл и завершённость событий, надо полететь высоко-высоко...

Нужно полететь высоко-высоко... и тогда увидишь...

* * *

Как это бывает в критические моменты жизни, – всё сошлось...

Когда вернулась из Одессы, мама сказала: «Теперь ты будешь жить дома».

Но жизнь на их территории – это была по-прежнему странная жизнь.

Тоскливое лето 1974 года...

Дома – бушевал отчим. Бушевал. Но молчал он так испепеляюще, что находиться с ним под одной крышей было невыносимо. Он не мог простить мне моей поездки к отцу. Не мог простить этого – единственного за последние семнадцать лет (и ставшего последним) свидания.
молча

Никакие обстоятельства жизни не влияли на его отношение ко мне. Точнее: что бы ни происходило в моей жизни, это только усиливало его неприязнь ко мне. И то, что я нарушила давний запрет (не ездить к отцу), несмотря на трагическое завершение моей отчаянной поездки, ещё больше ожесточило Фёдора. Он вёл себя так, как будто речь шла не о жизни и смерти, а просто о какой-то банальной детской провинности: ребёнку запретили есть шоколад – а он его взял и съел. И ребёнку за это надо устроить бойкот.

А бойкоты Фёдор умел и любил устраивать: он молчал. «Доброе утро!» – говорила я, когда мы встречались утром на кухне. Мы с ним вставали раньше мамы и Мариши, и эти ежеутренние встречи один на один на пяти квадратных кухонных метрах были для нас обоих большим испытанием. «Доброе утро!» – выдавливала я из себя, а в ответ – ледяное молчание, и только жёлтые желваки гуляют на его твёрдых скулах... Долго это вынести было невозможно.

– Мама, прости, не могу больше... Каптерев уезжает в Крым. Я этот месяц поживу с Людмилой Фёдоровной.

– Но потом ты вернёшься?

– Потом вернусь.

– Может, Фёдор утихнет за это время. Станный всё-таки он человек... Ну, что уж теперь ревновать тебя к отцу? Если отец умер...

Месяц я отогревалась у своей крёстной на Огарёва. Среди картин, камней, черепков... Спала на жёстком топчане Валерия, ходила утром за свежим хлебом в ближайшую булочную на Никитской, кормила во дворе голубей, поливала на лоджии цветы...

По вечерам, допоздна, сидели с Мамой Кошкой на их волшебной кухне, где вместо окна – солнечная афиша... О чём были наши разговоры? О самом главном – о смерти и о жизни после смерти – как оно там всё будет?... А ещё – о любви...

Ездили вместе в Новую Деревню к отцу Александру. Я подарила ему книгу стихов «Метель жаворонков», которую посвятила своему отцу. Людмила Фёдоровна тоже подарила отцу Александру стихи. Он всегда принимал стихи с искренней радостью. В стихах человек раскрывается как ни в чём другом. Вместо исповеди можно протянуть листочек со стихотворением...

* * *

Но потом пришлось вернуться «домой». Я ведь обещала маме.

Она в то лето очень любила меня. Жалела. Испытывала чувство вины, я это чувствовала, хотя она и не говорила об этом. Иногда осторожно расспрашивала меня об отце, о его родителях, вообще обо всей родне, которую мне довелось увидеть на похоронах, многих – первый и последний раз в жизни. Мама говорила, что только теперь видит, как сильно я похожа на отца. «Особенно взгляд у вас похож, – говорила она, – такой же синий и упрямый...» Мне это было слышать и сладко, и горько.

Наверное, и Фёдор в то лето с особой остротой увидел, что я похожа на кого-то другого. И этот «другой» теперь навсегда вошёл в нашу жизнь. Вот так: ушёл – чтобы вернуться...

Маришка подолгу в то лето смотрела на крошечную фотографию моего отца и сказала мне однажды: «Я хотела бы, чтобы этот человек был и моим отцом тоже. Я люблю его».

С Маришей мы говорили о моём отце часто – но шёпотом и при закрытых дверях комнаты. А Фёдор как будто чувствовал некий заговор. Он не выносил, когда дверь нашей комнаты была закрыта. Хотя разве не могут две сестры посекретничать? Ну, просто побыть наедине? Нет! Он ударом кулака распахивал дверь в нашу комнату и стоял в дверном проёме, высокий, худой, злой, с этими вечными, жёлтыми желваками на широких скулах... Стоял, как каменный истукан в степи, и испепелял нас молчанием. Маришка панически боялась его. Она была в эти минуты похожа на испуганную мышку. Бедная моя сестрёнка... Я тоже его боялась. Но не должна была показать это. Ради Маришки я держалась под его взглядом, как Жанна д'Арк на костре... Мы смотрели в глаза друг другу, не мигая, пока он не выдерживал. не выдерживал! Резко поворачивался и уходил. *Он*

Для меня это было делом чести: переиграть его в эти страшные гляделки! Хотя бы ради Маришки. Маришка должна была видеть, что он не так уж и страшен. Хотя под ложечкой у меня в эти минуты отвратительно сосало, и я испытывала тошноту, как на большой высоте.

* * *

– Ну, потерпи, потерпи ещё немного. Может, она замуж скоро выйдет... – (жалкий, просительный голос мамы).

– И какой идиот её возьмёт?! – почти крикнул он.

Они были в комнате, я – в прихожей. Они даже и не старались говорить тихо. Точнее, мама-то, может, и старалась, а Фёдор как раз наоборот.

Это вошло в мой мозг, как гвоздь: «И какой идиот её возьмёт?!»

«Ах, так!..» – подумала я.

И в ту секунду что-то щёлкнуло во мне... То ли сломалось что-то во внутреннем механизме. То ли перешло с одной оси на другую... Но что-то произошло. Необратимо.

«Ладно, – подумала я, – какой идиот позовёт – за того и пойду...»

Как-угодно – только по-другому!

Пусть будет ещё хуже – только по-другому! – уже невозможно... *Так*

Я как будто решила прыгнуть в пропасть. Точнее – я прыгнула в неё! В ту секунду, когда сказала внутри себя: «Ах, так?!» – в ту секунду и прыгнула... *уже*

Я знала: замуж по любви мне не выйти. За того – за кого пошла бы. За того, у кого уже были «общая кухня и общие дети» – но не со мной... Замужество по любви – сказка для маленьких девочек, я в неё давно не верила. А замужество по каким-то другим поводам и причинам... не смешите! Это – не для меня. Чего-чего, а такого со мной случиться не может.

О, как я была в себе уверена ещё вчера! Одиночество, монастырь, или монашество в миру – только не ложь. Только не компромисс!

Ещё вчера я не знала, что мне уготовано. Не подозревала. И вдруг – эта страшная трещина в тверди... и не за что схватиться, не за что зацепиться... И только одно звучит в мозгу: «И какой идиот её возьмёт?!»

И весь мир как будто тут же узнал о том, что произошло. Как?... – это осталось загадкой. Будто эта трещина отразилась как-то и на моём лице... Не знаю. Но со всех сторон слыша-

лось: «Ах, Пьер Безухов! Это же настоящий Пьер Безухов!.. Ах, как он тебя любит!.. Ах, да это же судьба твоя, быть может...»

Может, он и в самом деле чем-то походил на Пьера Безухова. Тот – который звонил, названивал уже почти год. Не обращая внимания на мою резкость. На моё «Нет!», категорически и не однажды уже сказанное. Продолжал звонить...

Может быть, внешне он и походил слегка на толстовского героя: такой же неуклюжий, рассеянный, неловкий... За этой неуклюжестью и рассеянностью мои друзья и знакомые (с которыми он старательно перезнакомился и сдружился за этот год), все видели – детскую непосредственность и трогательную неприспособленность к жизни. Все уже знали, как он меня беззаветно любит. Все, кроме меня, ему глубоко сочувствовали. И укоряли меня: «Ах, пробрасаешься!», «Ах, проворонишь своё счастье!..»

* * *

Было лето, июль. Приближался мой день рождения. И вдруг – шёпоток внутри меня: «Вот кто подарит мне на день рождения крестик – с тем и нести крест... За того и пойду замуж». Словно обет дала. Себе – или кому-то?..

Жду дня рождения с нетерпением и... страхом.

Слава Богу! – почти никто о нём не вспомнил. И крестика никто мне не подарил. Разочарование, смешанное с облегчением. Но облегчения всё же было больше, чем разочарования...

* * *

Мой приятель из студии пантомимы, Валька Гнеушев, поступил в цирковое училище, на клоунаду. Счастливчик! Я столько лет мечтала об этом, дважды пыталась, но – увы! А Вальке повезло.

Он говорит: «Может, нам сделать что-то вместе?» Ему мерещится девочка-клоун, спускающаяся на шарике из-под купола... Он, Белый клоун, – в манеже, а она, Рыжий клоун, – из-под купола... Мы ходим по Тверской, под дождём, и Валька пытается расшевелить меня. Разве я не мечтала? Мечтала. Разве я не хочу? Хочу.

Но могу ли я?.. Когда я прохожу мимо цирка на Цветном, точнее – когда я обхожу его стороной, внутри – такая острая боль, которая не совместима с дальнейшими упражнениями в пантомиме и клоунаде. Уже два года, как ушёл Мой Клоун... Но сердце болит по-прежнему. Дождь, дождь... Искристый, точно весь в бисере, вечер... Валька счастлив, ему кажется, что он уже завтра выйдет в манеж.

А мой манеж как будто откололся от Земли и улетел на другую планету... и нет туда транспортных средств, да и зрителей там нет, для которых нужно было бы выходить на ковёр, и воздуха нет, которым дышать... Вот это главное – нет воздуха. Без зрителей можно обойтись, добраться можно было бы на силе желания, но без воздуха ничего не возможно. А воздух как будто весь выпит, и вокруг моего манежа – сушь и пустота безвоздушного пространства... В такой обстановке не живут. Даже клоуны-трагики, каким я мыслила себя. В такой атмосфере только вымирают...

* * *

Бывали дни, когда я с утра до вечера блуждала по Москве...

То лето было жарким, грозovým и тоскливым.

То лето...

* * *

Очень хочется кого-то любить, о ком-то заботиться. В то лето я почувствовала это особенно остро. Узнавала, как можно взять ребёнка из детского дома. Оказалось: чтобы усыновить ребёнка, нужно сто-о-олько всего иметь!.. Хорошую работу, большую зарплату, отличное здоровье, квартиру и мужа. Ха-ха-ха. У меня из этого перечня нет ни-че-го. Так что ребёнок из детского дома мне не светит. А что мне светит?..

* * *

Работаю санитаркой в поликлинике. Почему? Сама не знаю. Просто надо где-то работать. А тут как-то вышла из института, побрела по Большой Бронной, добрела до пересечения с Малой Бронной, увидела на углу поликлинику. На стене – объявление, что требуется санитарка. Вспомнила санитарку из кардиологического отделения, где лежал отец. Она говорила: «Я так люблю свою работу!» Пошла и устроилась.

Работа как работа. Но вряд ли я когда-нибудь полюблю её – не вижу ничего увлекательного в том, чтобы махать половой тряпкой... Но кто-то же должен ею махать! Кстати, в этой работе есть свои плюсы. Во-первых, не надо ни с кем разговаривать. Во-вторых – вторую половину дня я совершенно свободна.

Почти каждый день после работы езжу в Коломенское, где служит отец Кирилл Чернецкий.

* * *

Часто захожу к Каптеревым.

Посижу, погреюсь у их очага... Людмила Фёдоровна прочтёт новые стихи, Валерий Всеволодович покажет новую картину. И обязательно угостят свежесваренным чаем – как же без этого? Без этого – никак.

Потом, с тоской в сердце, – домой. И Валерий машет мне вслед с лоджии... из своего зелёного садика... Долго-долго машет, пока я иду по переулку до Телеграфа. И я всё оглядываюсь и оглядываюсь, и тоже машу ему в ответ... И думаю: «Господи! Пусть так будет всегда – чтобы он махал мне с лоджии...»

* * *

От тоски забрела как-то к Гавру. Его семейство на даче, он сейчас один в Москве.

Когда пришла, он перебирал привезённую с дачи чёрную смородину, варил варенье своим детишкам на зиму. Такой хозяйственный, заботливый. Замечательный папа своих детей. Его детям повезло.

Долго, допоздна, сидели на кухне, и я ему рассказывала об отце: рижская весна никак не отпускала меня, и я без конца кому-нибудь рассказывала об отце. А Гавр мне – о своём отце... Он как раз собирается к нему на свидание в лагерь.

Зажгли свечу... На кухне негромко играл магнитофон с песнями Галича... В то время запрещёнными. Гавр сказал, что заучивает их наизусть – чтобы потом, на свидании с отцом, петь их ему там... в лагере.

Стемнело... На доме напротив зажглась реклама и побежала горящей строкой по фронту: «При пожаре звонить «03».

Но нам пожарники не понадобятся. Пожара не будет. Пожар нам не грозит...

По дороге домой, в метро, написала стихи.

* * *

Настала осень. Нет, ещё был календарный август, но холод и проливные дожди – как будто уже глубокая-глубокая осень...

Я продолжала жить «дома», и эта жизнь очень хорошо сочеталась с тем, что за окном... Разницы никакой не было: что внутри, что снаружи.

И вот, как-то вечером раздался телефонный звонок...

Это звонил «Пьер Безухов». Он сообщил, что только вчера вернулся из отпуска. И очень хотел бы увидеть меня. Прямо сейчас.

За окном проливной дождь, темень...

– Мне очень, очень нужно увидеть вас! – говорит он.

Отнекиваюсь:

– Поздно, дождь... Нет ни времени, ни желания.

– Только на минуту! – просит он. – Я уже у вашего метро стою. Умоляю вас: только на минуту!..

Мама, проходя мимо меня по коридору, роняет: «А ты – жестокая».

Темень, дождь...

Представила его, нахохленного и промокшего, в этой его нелепой шляпе, в запотевших очках, и... впервые стало жалко. (Вот я и попалась!)

Действительно, что мне стоит?... Две минуты на автобусе – и моя совесть чиста; я – не садистка. Тем более, он уверяет, что должен мне вручить вещь. То, что принадлежит мне. Говорит загадками. Ничего не понимаю... мою

Но всё же не любопытство – а жалость (о, эта сводня!) вытащила меня в тот вечер в темень и дождь...

Итак, две минуты – и я у метро.

Намокшая шляпа с опущенными полями... Вид самый жалкий. Жалкая, намокшая улыбка...

– Вы что-то хотели мне отдать? Но вы ничего не должны мне.

– Не отдать, а подарить. Ведь у вас, я слышал, летом был день рождения...

– Спасибо. Но я не хочу от вас никаких подарков!

– Да он совсем маленький...

И – протягивает крошечный коробок, меньше спичечного.

(Не знаю, что заставило меня взять этот коробок с его ладони: любопытство, или всё та же жалость? Как будто меня кто-то загипнотизировал в ту минуту).

Беру. Открываю...

Крестик!.. В коробочке – крошечный нательный крестик...

Я – в шоке. Не могу оторвать от него взгляда... Не могу вымолвить ни слова...

А «Безухов» что-то говорит, говорит торопливо: что-то про Египет, где он был несколько лет назад... и там купил этот крестик... и сказал тогда же себе: «Это – для моей будущей невесты»...

Его бормотание сквозь шелест дождя и чёрного дерева над нами, сквозь шарканье вечерней толпы... Всё кончено.

«И какой идиот её возьмёт?!»

* * *

Как добралась в тот вечер домой – не помню.

Что ему сказала на прощанье – тоже не помню.

Провалы в душе. Провалы в памяти.

Дальше – после того вечера – всё решалось как бы помимо моей воли. Моя воля в тот, ставший для меня роковым, вечер была парализована. Трещина стала стремительно расширяться... И вот я уже лечу в неё, нелепо кувыркаясь, как в кошмарном сне... И кто-то словно бы смеётся мне в лицо: «А ты была уверена, с тобой этого не случится!»

Последние, уже бесполезные мольбы:

– Хотя бы год дайте мне на раздумье! Мне надо подготовиться... привыкнуть к этой мысли... – прошу я.

И – его, неожиданно резкое в ответ: «Нет!» И – тут же – жалкое:

– Да ведь я уже всем сказал... все уже знают, все за нас рады...

«Все уже знают...»

Удар какой-то ватный, но – тем не менее – последний, завершающий. Ну, раз все уже знают, бормочет во мне отупевшее существо (я ли это, Господи?..), то, стало быть, деваться некуда... коль все уже знают... и все рады...

* * *

Может, так люди и женятся? В сказках – по любви, а в жизни – по стечению обстоятельств. Вот матушка Вера рассказывала: подвёл её духовный отец к будущему отцу Сергию, которого она в первый раз тогда увидела, и сказал: «Вот твой жених. Будь ему хорошей женой».

И сколько лет уже вместе! Трех деток родили. И любит матушка Вера своего мужа, и ревнует – всё, как положено. И он ею восхищается...

Отец Димитрий тоже рассказал как-то про свою женитьбу. Он невесту выбрал вообще по фотографии! Ему уж рукополагаться пора было, а он ещё не женат. Тут так: или срочно женись – или принимай монашеский постриг. В монахи как-то не хотелось. Показали ему фотографии трёх православных девушек на выданье: выбирай невесту! Одна из них была красавица-раскрасавица, с золотистой косой до пояса, высокая, статная. «Куда мне такая жена? Я ведь маленький, лысый... Смешная будет пара. Не ровня мы». На второй фотографии – дама учёная, в очках, строгая такая, видно – зануда. «Куда мне такая жена? Всегда рядом с ней дураком себя буду чувствовать. Не ровня мы». Поглядел на третью фотографию... Ничем не приметная девушка, далеко не красавица, скромная, щуплая, невидная. О таких говорят: серая мышка. «Вот это моя жена! – сказал отец Димитрий. – По всему мне подходит». И живут вот уже сколько лет просто замечательно! Любят друг друга. Сын и дочка у них такие славные, Мишенька и Наташа. А уж какая матушка Нина опора своему мужу во всём! Он на неё не нарадётся. Говорит: «Наградил Бог доброй и мудрой женой!»

А недавно один мой приятель, Алик Мень-второй, женился. Тоже удивительным образом. Ничего этому не предшествовало. Просто он очень хотел жениться, а все девушки, в которых он влюблялся, ему отказывали. А он говорил: «У меня больное сердце, я не долго проживу. Мне надо поскорее жениться и ребёнка после себя оставить, продолжиться в нём». Никто не принимал всерьёз его слов (хотя они оказались пророческие!). И вот однажды, во время церковной службы, он сказал себе: «Вот сейчас оглянусь, и та девушка, что стоит за мной – это будет моя жена». Оглянулся... Увидел симпатичную девушку. Вышли из храма, и он тут же сделал ей предложение. И она... согласилась! Никакой особой любви случиться ещё не успело. И вскорости отец Сергей обвенчал их. И всё у них замечательно. И вот, уже ждут ребёночка... Фантастика!

Конечно, иногда люди женятся по любви. Случается в жизни и такое. Мои родители, например. Но что из этого вышло? Одни слёзы... А если люди и не расходятся через пару месяцев, или через пару лет, то всё равно любовь куда-то улечивается, рассасывается... И никто при этом не умирает. Напротив! Живут дальше здоровыми, а не сумасшедшими, растят детей... Может, любовь – это вообще лишняя для жизни штука? Это же сдвиг по фазе! Но, может, и не обязательно иметь этот сдвиг? И разве, будучи сдвинутым, можно сделать правильный выбор? Есть страны, где жених и невеста до свадьбы вообще друг друга не видят, а выбор делают их родители. Какая уж тут любовь, или хотя бы влюблённость? Если ни разу в глаза друг друга не видели. Если ни слова до свадьбы не сказали друг другу! И живут ведь люди без этого сдвига. И люди, и целые народы... А когда влюблён, то жениться опасно: вдруг разочаруешься?... Обидно будет. А так – никаких разочарований! Не было очарования, не будет и разочарования...

И только Каптерев сказал мне: «Не делай этого».

Но я его не послушалась. Я должна была что-то сделать со своей жизнью! Что-то резкое. Может быть, даже перпендикулярное самой себе.

Но ведь если мне его жалко, значит, я его почти люблю?... Жалость – это ведь разновидность любви, разве не так? Мы подбираем на улице котёнка – из жалости, а дальше уже любим его...

Я ждала, что отец Александр скажет: «Не делай этого». Но он почему-то не сказал...

* * *

Неожиданным счастьем стало свадебное путешествие. В которое мой новоиспечённый супруг отправился... один! Просто эта поездка в Чехословакию была у него давно запланирована. Туристическая поездка. И он сказал, что не хочет её отменять.

Это было оригинально. Знакомые удивились... А я этому была несказанно рада.

Свадебное путешествие длилось, как и положено, около месяца.

Сначала я жила в Новой Деревне и почти каждый день общалась с отцом Александром и его чудесной мамой, Еленой Семёновной. Она, обычно, жила всё лето и до глубокой осени в Новой Деревне, снимала здесь дачку, недалеко от храма. Мы подружились с ней в ту осень. Она была такая светлая...

* * *

Счастливым месяц в Новой Деревне, в одиночестве. Пахнувший яблоками, клевером и ромашками, кострами на огородах... Мой воистину медовый месяц в Новой Деревне! Кто-то сжалился надо мной. И дал короткую передышку: отдышаться и – собраться с силами.

Счастливая – я пребывала в состоянии полёта... Вот только: вверх – или вниз?.. – про это я старалась не думать.

(Подумать про это у меня еще будет время – и очень скоро...)

От того месяца осталось много стихов.

* * *

Я часто приходила к храму, не только в часы служб, но и когда там никого не было. Вокруг храма – маленький, тихий погост. Слева от храма пламенел огромный клён, и я любила сидеть под его сенью и писать стихи. А порой хотелось лечь на эту землю, усыпанную жаркой листвой, почувствовать себя малой песчинкой, слиться со всем миром...

Эти стихи очень нравились отцу Димитрию Дудко. Хотя он и сказал, что в них слышатся языческие мотивы, но при этом стихи глубоко христианские. Сказал, что здесь – органичное соединение ветхого и нового человека: человека от земли, душой стремящегося к небу... Он так прекрасно читал эти стихи вслух! Просил ему подарить их. И признался, что тоже пишет стихи.

* * *

Но были в тот светлый месяц и грустные стихи. Я не знаю, откуда они приходили. Но они тоже были правдой. Поэзия – это такой скальпель, вскрывающий самые потаённые глубины души...

* * *

Телеграмма от мамы. Её принёс деревенский почтальон.

В телеграмме три слова. Читаю и – не верю своим глазам! Да, я мечтала об этом... но боялась надеяться.

«Приезжай за ордером»

Господи, неужели у меня будет дом? Свой дом? И не надо будет ночевать у знакомых и на вокзале?... Спасибо Фёдору! Хотя он это сделал не для меня, а для себя, для своего спокойствия: чтобы больше меня не видеть, чтобы не маячила уже никогда перед его глазами... Но не будем углубляться в дебри его подсознания, в мотивы его поступков. Хотел ли Фёдор осчастливить меня или себя? Это его подробности...

* * *

Обретение дома!

По соседству с художником Валерием Волковым. По соседству с тем самым домом, где я познакомилась с Каптеревыми... которые жили тогда (два года назад) в квартире Волковых. Два года назад мы ходили тут с Гавром мимо высокого дощатого забора, за которым шла стройка... Я и не подозревала, что за этим забором возводится МОЙ дом!

Однокомнатная квартирка с большой кухней и большой лоджией. Чудо как хороша! К тому же – на 13-ом этаже! Моё любимое число. И два широких окна смотрят на закат... Как я мечтала! С детства мечтала, чтобы когда-нибудь у меня был дом с окнами на закат!..

Мой дом не так далеко от мамы. Двадцать минут пешком. Сразу перенесла сюда свои драгоценности: свой чёрный портфель, набитый разными реликвиями и тетрадками со стихами. Две афиши Енгибарова. Кресло-качалку, которое мне подруги на двадцатилетие подарили.

И пишушую машинку «Олимпия», выпуска неизвестно какого года, подаренную мне совсем недавно знакомыми. Собственно, эту старушку хотели отправить на помойку, но вовремя вспомнили обо мне.

Да, теперь у меня есть свой дом и своя пишущая машинка! Перетащила её, чугунную, тяжеленную, но такую долгожданную и любимую с первого взгляда!

Никакой мебели, кроме кресла-качалки, у меня не было. И я бродила по своему огромному дому – комната, кухня, лоджия... Неужели это мой дом? Кухня, комната, лоджия... – какое счастье, Господи! Неужели это не сон?... Неужели такое счастье возможно наяву?!

* * *

В институте была как раз осенняя сессия.

Меня зачислили в поэтический семинар к Александру Жарову, комсомольскому поэту.

У него в семинаре оказалось всего три человека. Со мной – четыре. Почему так мало? А он всех разогнал! Он практически всем своим студентам написал такие характеристики, что их отчислили «за творческую несостоятельность». Осталось три тихих, запуганных деревенских паренька, удивительно похожих друг на друга: они были как из одного яйца.

Жаров предложил нам почитать стихи – «отчёт за летний период». Пареньки читали про косы-покосы, берёзы-слёзы и так далее. Жаров их очень хвалил. Дошла очередь до меня. Я прочла стихи про Крышу. (Я их посвятила Гавру).

Тихие, лирические стихи. К чему тут можно придаться? Но Жаров вцепился в меня, как клещ!

– И где это вы видели в Москве пыльные переулки?! Что это за диссидентщина на моём семинаре?! Любопытно, а что вы подразумеваете под «пыльными переулками»? Это намёк на что-то?... Хотелось бы от вас услышать, на что именно этот намёк! *именно*

– На пыль в летних переулках. На самую обычную летнюю пыль... Больше ни на что.

– Вы мне зубы тут не заговариваете: «просто пыль!» Мы разберёмся ещё с вашими переулками!..

Было ясно, что передо мной – старик, повредившийся головой на идеологии, на страхе сказать или написать «что-то не то», что может «кому-то» не понравиться. На страхе, что его студенты его как-то скомпрометируют. Что они напишут «что-то не то». И что «кто-то» подумает, что он, Жаров, чего-то недоглядел, что-то просмотрел... Вот что делает с людьми страх! Он лишает их рассудка. И смех, и грех!.. Но мне-то как быть? Это что, четыре года общаться с этим идеологическим цербером?! Он будет моим руководителем?! *творческим*

В перерыве стою в коридоре в полном смятении. Идёт Долматовский. Спрашивает сочувственно:

– Ну, что? Строг старик?

– Кошмар! Я этого не выдержу долго...

– Говорил тебе: оставайся у меня в семинаре.

– Евгений Аронович, я же вам объясняла: не могу я перейти на дневное отделение, работать надо, на жизнь зарабатывать... Но он меня выживет из института, это точно!

– Не переживай. Я с ним поговорю, не дам тебя в обиду. Он не злой, просто... Ну, ты сама понимаешь...

Он с Жаровым, действительно, поговорил. Но это ничего не изменило. Забегая наперёд, скажу: в ноябре я получила по почте открытку от Жарова. Он поздравлял меня с очередной годовщиной Октябрьской революции и желал творческих успехов, а главное – советовал как можно скорее пересмотреть взгляд на советскую действительность и искоренить из своих стихов все «пыльные переулки». Дались ему эти пыльные переулки!

Я поняла, что общаться с этим идеологическим монстром, этим неутомимым цензором у меня не хватит сил. И нервов. Кончится отчислением из института. Жаров был лёгок

на отчисления. Поэтому пошла и тут же, не давая конфликту углубиться, оформила академический отпуск на год.

Таким образом, я избавилась от Жарова. Говорят, он жалел, что я от него ушла. Ну да, надо же ему было на ком-то точить идеологические когти! А у него остались только «косы-покосы» да «слёзы-берёзы».

Мама переживала, что я ушла в «академку». Она ещё не так давно страдала по поводу моего ухода в «академку» в Полиграфическом институте.

– И чем это кончилось? Ты бросила институт! Надеюсь, этот-то институт ты не бросишь? Ведь ты так мечтала в него поступить!

Действительно, мечтала. Много лет.

– Не брошу, мама, успокойся.

Хотя зачем пишущему человеку институт? Ведь он уже пишет. Что ему ещё надо?

Ах, да! филологическое образование. Действительно, надо, никуда не денешься. Надо знать, кто до тебя жил и что писал. И вообще, что на земле творилось все предыдущие тысячелетия...

* * *

...И были три дня и три ночи – в моей квартирке на окраине Москвы, в районе Речного вокзала...

Итак, мебели пока никакой. Сплю на полу. Резкое похолодание, как всегда бывает в октябре, батареи ещё не греют, и я простудилась. Сажу дома в ангине. (Безухов продолжает путешествовать по Чехословакии). Блаженное одиночество!..

Машинка стоит на полу, сажу перед ней, с горлом, замотанным тёплым шарфом (кстати, Мама Кошка подарила), сажу на валике из одеяла и настукиваю стихи...

Эту книгу я написала за три дня. Точнее – за три дня и три ночи...

Трое суток полного одиночества, уединения, отъединения от мира внешнего и – соединения с собой. С тем, что дорого. С тем, что любимо...

Телефона в квартире не было. О том, что я больна, никто не знал. Никто не навещал меня в те дни. И я сама ни разу не вышла в мир внешний. Пила чай, догрызала чёрствый батон и – стучала, стучала на своей «Олимпии»... День за окном сменялся ночью, рассвет – полднем, но мне было не до того: я жила в других временах...

Книга «За три моря» написана на разломе жизни...

Эта книга посвящается трём дорогим мне людям: Леониду Енгибарову, Виктору Кротову (Гавру) и моему отцу.

Я сидела на валике из одеяла, с обвязанным горлом, и стучала на «Олимпии»... Я словно бы прощалась со всей своей жизнью, с тем, что любила: с цирком, Цветным бульваром, Марьиной Рощей...

Прощалась с Крышей на Сретенском бульваре и с тем, с кем гуляла когда-то по этой Крыше... Прощалась с Метелью жаворонков... с весенней Ригой, с отцом...

И – с Жаворонками прощалась, с незнакомым подмосковным посёлком, где я никогда не была, но который для меня воплощал в одном своём названии всё несбывшееся, и – теперь уже – навсегда недостижимое...

Прощалась, прощалась... Как перед смертью. Подводила итоги. Понимая: тех, кого люблю, – мне никогда не разлюбить...

Но станет ли у меня сил полюбить того, кого не люблю?

* * *

Господи, хотя бы Ты шепнул мне тогда, что за этими тремя пройденными морями – будет ещё Море! Хотя бы шепнул...

Я к Тебе возвращаюсь —
Как из душного плена,
Как из тяжкого бреда – на свет.
Я к Тебе возвращаюсь —
В клочьях кожи и пены...
Без Тебя мне спасения нет.
Ты сомненья развеешь.
Ты остудишь мне раны.
Ты всегда на пороге стоишь.
Ты один не изменишь.
Ты один постоянен.
И в очах Твоих – звёздная тишь...

* * *

Меня врачуют улочки Москвы,

Базары, цирки, старые подворья...
Их суета врачует от тоски
По дому, по теплу – где только двое.

И я стремлюсь неведомо куда —
Как пыль, гонимая дыханием ненастья...
Как с мельничных колёс летит вода...
Но где-то в подсознание вспыхнет: «Мастер!...»

Меня врачуют ливни и жара
Гудящего от напряженья лета...
И, задыхаясь, я шепчу: «Жива,
О Господи, жива! Как странно это...»

Меня врачует пляшущий содом,
Гудящий карнавал и хохот масок!
А в центре, на прудах, где серый дом, —
Беспечной Аннушкой опять разлито масло...

* * *

Тропа в Коломенское... Август.
Преображение Господне.
Несут пылающие астры
К подножию Креста сегодня.

Сквозь лес ромашковый, полынный
Иду на звон Преображенский...
Дорога – белая от пыли —
Проторена любовью женской.

Звонят кузнечиков оркестры...
И лето замерло в зените.
Но тронута уже окрестность
Осенней золотистой нитью...

И до краёв – в лампадке масла...
Отягощённая плодами,
Иду на свет Второго Спаса
Густыми, тихими садами...

Иду к Тебе – и обретаю
Спокойствие души в движении.
Платочки белые мелькают...
Пылит тропа...
Преображенье.

* * *

Пусть лето кончилось давно,
но раз в году
Бывает день, который *нам* —
и только.
Я, торопясь, — через обвалы зим — к тебе иду...
И смысла не ищу,
что в смысле толку?

Мы зажигаем на столе свечу...
Как в маленькой часовне...
Помнишь, милый?
И возвращаемся — по тонкому лучу —
В то лето —
в сон непрочный —
в шарик мыльный...

Над нами ветры лунные поют...
Мы заново идём путём знакомым,
Два странника бездомных, —
в наш приют,
Не опечатанный ни тленом, ни законом.

Мы входим в наше лето — точно в дом,
В уютный мир — в улитку — в звёздный космос...
Здесь всё по-прежнему...
Здесь каждый звук знаком.
И всё на месте; всё легко и просто.

Пусть лето кончилось давно,
но каждый год
День посылается — как знак...
Его устами
Нас — наше прошлое пленительно зовёт...
Нет прошлого!.. Всё — здесь.
Всё наше — с нами.

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

отцу Александру Меню

Какие ночи звёздные!
И как земля поката...
Всё без остатка роздано —
И потому богата.

Мне полюбились ясени
И Новая Деревня.

Какие утра ясные!
Как высоки деревья...

Бредут тропой извилистой
Осенние коровы...
Как петухи залиvistы!
И мил мне запах крова.

С линялой каплей купола
Церквушка у дороги.
И ею сердце куплено —
Домашней и нестрогой.

Сквозь дождик – листья сеющий —
Нестройный хор старушек...
Я прихожу ко всенощной
Подумать – и послушать.

И, стоя перед Образом,
Благодарю и плачу...
За всё – за крышу звёздную,
За лето, за удачу.

ХРАМ СРЕТЕНЬЯ В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ

Лежу на кладбище – у храма,
В горячей лиственной золе,
В щекочущих осенних травах,
На вечеряющей земле...

Лежу под клёном необъятным,
В полнеба вспыхнул – в полземли!
И слышу, слышу внятный *голос*
Со всех сторон – вблизи, вдали...

И чувствую земли округлость,
Глубинные её пласты...
И жадно подставляю губы
Прикосновениям листвы.

Закинув за голову руки,
Как не лежала я давно, —
Лежу...
Смотрю на крест и купол...
За что мне это всё дано?

Одно желанье – кануть, кануть
В закат кленового лица...

Уйти в траву, в песчинки, в камни...
И раствориться – до конца!

* * *

Я зажигаю лампу на столе.
Вечерний свет ложится на страницы...
За окнами на старенькой ветле
Тревожно вспархивают души – или птицы?..

Я думаю: о чём же написать
Туда – туда, откуда нет ответа?..
О том, что осень на дворе опять?
О том, что дом колыхнется от ветра?

О том ли, что кружится ранний снег,
И скоро Покрова – а писем нету?..
Об этом лучше знает человек,
Который их не пишет...
Жуткий ветер!

Он хлопает калиткой, как шальной,
Скрипит скамьёй в саду, кусты ломает...
Ах, что я буду делать здесь зимой?
Чадят дрова, и лампочка мигает...

Постель, как лёд. И нету даже пса,
Чтоб разделил тоску и поздний ужин...
О чём же мне сегодня написать?..
О том ли, что хозяин дому нужен?

А ветер хочет крышу распороть!
Какой крошечный, непроглядный вечер...
И я пишу: «Храни тебя Господь
Во всех путях твоих, делах и встречах...»

* * *

Вот и крыша с пустынными башнями,
Флюгерами, мансардами, ветром...
Это небо – как будто вчерашнее.
Здесь царит прошлогоднее лето.
Ни на час с той поры не сдвинулись
На часах заржавелые стрелки...
Время – сон – под синими высями...

Кто-то взглянет с улицы мельком,
Торопливо идя по Кировской
И по Сретенскому бульвару...

Переулки устало кривятся,
Тихо меркнут в летнем угаре...

Дышит крыша – поляна зелёная.
Трубы, трубы... – в царапинах звёздных!..
О стремянку платье разорвано.
Как разрежен вечерний воздух!
Я стою над Москвой закатною
На горячем, тяжёлом люке.
Задохнувшись от ветра, – катится
Сердце в бездну – в пыль переулков...

Я стою под свистящим флюгером.
Я – невидима, я – крылата...
И на мне, прожжённое углями, —
Платье детства в новых заплатах...

* * *

Ты ли, Марьина Роща?
Сколько зим, сколько лет!
Вот и стало попроще...
Только радости нет.

Возвращаюсь на ощупь,
Наизусть, наизусть...
Здравствуй, Марьина Роща!
Здравствуй, Марьина грусть.

Вот он – милый навеки —
В клёнах выцветших двор...
На углу нет аптеки,
И сломали забор.

Зайчик солнечный пляшет
На пустой мостовой...
Здравствуй, день мой вчерашний!
Не кончайся, постой!

И нечаянной гостьей
Радость смотрит в окно —
Мальчик с клоунской тростью...
Умер... умер давно.

НА ВАГАНЬКОВЕ

Острый запах дождя и ладана.
Здесь – пустынное и светлей.
Набухают капли – и падают

С золочёных крестов и ветвей.

Покупаю фиалки влажные —
В чернозёме до самых колен.
Странный быт мой опять налажен,
Нет особых в нём перемен.

Стала тропка сюда привычною —
Как когда-то бульвар Цветной.
На снегу почерневшем вычерчу
Быстро тающий вензель твой.

Торопиться некуда, незачем.
Только ждать, только молча ждать...
острый запах весеннего вечера
И кладбищенского дождя.

* * *

Мне снились Жаворонки,
снег...
И заколоченные дачи.
Брела, не подымая век,
Куда не знаю — наудачу.

На чей-то след,
на чей-то дом,
На запахи жилья и дыма.
Но только — снег,
лишь снег кругом.
Бело... мертво... необратимо.

Название улицы — в снегу.
Крыльцо завалено сугробом.
Устала, больше не могу...
«Ах, отзовитесь, ради Бога!»

Я думаю: «Кошмарный сон!»
Мне холодно во сне, я плачу...
И снег ложится, невесом,
На заколоченную дачу...

Я ходила за три моря, я искала
За далёким, за весенним горизонтом —
Звонкую подкову счастья, лунный камень,
Белый башмачок,
весёлый зонтик...
Я сходила за три моря — отыскала

За холодным, за потухшим горизонтом —
Ржавую подкову счастья,
серый камень,
Пыльный башмачок и рванный зонтик...

Глава 2. Какой в этом смысл?

Замужество моё походило на выпадение в некий зазеркальный мир...

Трещина, в которую я полетела тогда, когда сказала себе: «Ах, так! Ну, какой идиот позовёт, за того и пойду!» – эта трещина оказалась глубже и чернее, чем можно было предположить...

Летела, летела по этому чёрному коридору и...

И – оказалась словно бы на оборотной стороне луны. На оборотной стороне всего, без чего не могла жить ещё вчера. В стране с выпитым до последней капли воздухом. В стране, где дорогие мне имена, произнесённые в этом безвоздушном пространстве, ровным счётом ничего не значили. В стране, где не снились весёлые сны... Где вообще никому не было дела до того, какие сны мне снятся. В стране без эха.

В стране – нелюбви.

Я не понимала законов этой страны. Я не знала, как можно жить по этим законам. Как мне здесь выжить: не изолгаться, не сойти с ума, не сигануть в один прекрасный момент с балкона... Потому что по законам этой страны можно было только вымирать... Ежедневно, ежедневно. Так не лучше ли (мелькала порой холодящая душу мысль) не лучше ли сократить эту попытку до мгновения?..

Тут-то (в эту зиму) до меня и дошел смысл горчайшего: «Вы говорите, я веду плохую жизнь? Я не веду никакой жизни. Я веду смерть». *весь*

Я смотрела на светящиеся окна дома напротив – и мне становилось страшно. Я вспоминала девочку с карими глазами и сероглазого мальчика на другом конце Москвы, вспоминала оживлённые чаепития на кухне под болтающимися над головами ползунками, – и понимала, что я – не стала исключением... Что я (вольно-или-невольно, но теперь это уже было не важно) оказалась участницей пьесы... Которую всегда, сколько себя помню, ненавидела всей душой!
той же

И вот я играю... играю в этой дурной пьесе, играю то из рук вон плохо, откровенно бездарно, то с кратковременным мазохистским упоением (пусть же мне будет ещё хуже!), играю эту задрипанную, никчемную роль... Нелюбящей и – нелюбимой.

Теперь – в гулкой пустыне однокомнатной квартирki (моего, такого долгожданного дома!), в этой пустыне-клетке, с вечно коптящим очагом, от которого – ни тепла, ни света – а только едкий дым, разъедающий глаза и сердце... («Ах, какое уютное гнездышко!») Неужели ничего не видно – ни со стороны, ни вблизи?.. Неужто я так хорошо наострилась улыбаться? «Смейся, паяц, но плакать не смей!» – это про меня?..

Смотрю на светящиеся окна дома напротив... Вот и у меня – нормальная жизнь – как у всех, говорю я себе. Обычная жизнь, какой живут все люди. Сотни, тысячи людей... Обычная жизнь. Говорю я себе. Просто я к ней была не готова. К жизни на оборотной стороне луны...
обычная

Уговариваю себя, заговариваю... Но во мне не хочет смириться! *кто-то*

* * *

Полтора года. Для любой войны – срок немалый... Этот «кто-то» во мне яростно отстаивал каждую пядь моего прошлого – того истинного и драгоценного в прошлом, что, в конечном счёте, и составляло моё «я»: не из ничего же лепятся душа и судьба!

Но тот, кто так долго добивался, и, в конце концов, взял меня в жёны, кто был на одиннадцать лет старше меня, и уже уязвлён предыдущими неудачными женитьбами, – он желал иметь перед собой «чистый лист». Жену-девочку. Девочку, из которой он намеревался сделать то, что ему было нужно. Девочку, зачарованно смотрящую ему в рот. Тихую и проворную хозяйку дома. Послушную, повинующуюся малейшему его жесту или взгляду. А заодно – расторопную

секретаршу, машинистку. Одним словом: жену своего мужа. Без собственной биографии, без судьбы, без желаний, и – естественно – без ропота.

А всё, что было прежде, – до того дождливого августовского вечера, когда мы стояли под чёрным бормотанием дерева... – всё прежнее отныне должно быть забыто: вымарано, вычеркнуто, выброшено на свалку, сожжено...

* * *

В один из дней той зловещей зимы бесследно исчезла пачка писем, аккуратно перевязанная тесьмой. Письма Гавра. Те самые письма, которые приходили ко мне в осенний Крым два года назад; с которыми я с той осени не расставалась... Исчезли все мои публикации. Их было не так уж много, и все их я бережно хранила. Теперь ничего нет. Этому странному человеку хотелось, чтобы я была человеком без прошлого.

Но кое-что всё-таки сохранилось: в глубине антресолей – старый чёрный портфель, набитый бесценными осколками прошлого: пропуск в цирк на Цветном бульваре, дневники, письма от Моего Клоуна, две его афиши...

* * *

«Безухов» хотел, чтобы я бросила институт. Он говорил:

– Зачем тебе институт? Если ты всё равно работать не будешь. Христианская жена должна быть дома и служить мужу.

Он настоял на том, чтобы я уволилась из поликлиники. Ну, за поломойную работу я не сильно держалась. Хотя и не считала её «стыдной». Многие мои однокурсники работали на подобных работах: кто грузчиком в булочной, как прозаик Володя Казарновский, кто лифтёром, как поэт Арнольд Вакс, кто – дворником, а кто – чистильщиком крыш от наледей, как драматург Коля Панасюк. Это же очень удобно: руки что-то делают, а голова – свободна для творчества. И главное – грубая, тяжёлая работа была вдали от идеологии. Ну, какая идеология в мойке полов или в сбивании сосулек?

Но Б. сказал, что лучше я буду печатать на машинке его статьи и главы из докторской диссертации, над которой он в настоящий момент работал. (Он занимался историей науки). Он сказал, что это для нашей семьи будет выгодней: не надо платить машинисткам. (Машинистки брали дорого).

Я уволилась с работы, но из института не ушла. Мне это было неприятно: то, что он с первых дней решил мной командовать и сузить мою жизнь до обслуживания его, любимого. Я считала, что способна на большее, чем просто роль кухарки и личной машинистки.

Вообще-то, я мечтала работать рецензентом. (Не путать с резидентом!) Ещё с отроческих лет, когда я стала посылать в редакции свои первые стихи, и с трепетом ждала ответов... Рецензенты казались мне небожителями. Я так радовалась, когда получала не просто отписку, а тёплое, человеческое письмо! Мне казалось, от рецензента многое зависит. Надо сказать, что в советские времена так и было. Ни одну рукопись, даже самую бредовую, не отсылали автору без рецензии. И ни одну, даже самую талантливую, не ставили в план издания без предварительного рецензирования. Таковы были правила. И поэтому от рецензента на каком-то этапе действительно что-то зависело. По крайней мере, – получит ли девочка в далёкой провинции в ответ на свои первые стихи чёрствую, как сухарь, отписку, над которой будет плакать и решит, что не надо ей больше писать стихов никогда! Или – получит душевное письмо-одобрение, от которого будет прыгать на одной ножке от счастья: «Мне написали, что у меня есть искра Божья!» Я мечтала быть именно таким рецензентом. Который пишет начинающим писателям добрые письма. Но никто и нигде на такую ответственную работу меня бы не взял без литературного образования. Так что институт надо было заканчивать. Интересно, к кому на расстерзание попаду я через год, убежав от Жарова? Поживём – увидим... Но страшнее Жарова не может быть никого, это уж точно.

А Безухов был недоволен тем, что я его ослушалась. Очень недоволен.

* * *

Были и ещё моменты, которые меня шокировали. Он сказал:

– Теперь можно и уезжать.

– Куда?

– В Америку, это самый лучший вариант.

– В какую Америку?

– В Соединённые Штаты, разумеется. Все мои друзья уже там.

– Но я не хочу ни в какую Америку!

– Можно в Европу. Собственно, главное – уехать поскорее отсюда. А там решим, где жить. Хотя я склоняюсь всё же к Америке, там больше возможностей, легче найти работу.

– Но что тебе вдруг приспичило?

– Не вдруг. Я давно решил: как только женюсь – тут же уеду.

– А как это для тебя связано?

– Без жены плохо. Человеку нужна жена. Всё-таки быт – это не для мужчины. По крайней мере, не для меня. У меня другие задачи.

– Ну, и ехал бы давно в свою Америку! Там бы и жену себе нашёл.

– Э, нет...

– А что так?

– Американская жена – дорогая жена. У неё другие запросы. Русскому мужу американскую жену не обеспечить. Наоборот – да. Поэтому американцы так любят русских жён. Русской жене немного для счастья надо. Она радуется тому, от чего американка воротит нос.

– Понятно...

– Я как тебя увидел, сразу решил, что как раз ты мне подходишь на роль жены.

– Чем же?

– Скромная. Не выпендриваешься. Сразу видно: тебе много не надо.

– В материальном плане – да...

– А в каком же ещё? И притом, я хотел жену-христианку.

– Это принципиально?

– Да. Жена-христианка – послушная жена. Она соблюдает главную семейную заповедь: жена да убоится мужа своего. Так что мне непонятно, чего ты вдруг стала спорить?!

– Я – никуда – не поеду.

– Что значит: не поедешь?

– У меня уже была возможность уехать. Но я отказалась от неё.

– Ну, и глупо, – усмехнулся он.

– Глупо?..

– Да, глупо, – говорит он.

– Для меня – нет.

– А что, собственно говоря, тебя здесь держит? – искренне удивился он.

– Всё! Всё меня тут держит. Русский язык держит, друзья держат, мама, сестра...

– Ну, это всё несерьёзно. Языки элементарно учатся. У меня уже в запасе десять языков, или даже больше... Друзья приобретаются на новом месте. Мама и сестра, если захотят, приедут к нам.

– Не приедут, – говорю я.

– Но это уже их подробности. А у нас – своя жизнь. И я считаю, что решать в христианской семье должен муж. Ибо он – глава.

– Запомни: я никуда не поеду.

– Ладно, подожду, пока ты перестанешь капризничать...

– Я не капризничаю.

– Но это же глупо! – говорит он.

– Пусть!
– Там можно издать книгу за свой счёт!
– Как это – за свой счёт? – не поняла я. (В 1974 году я впервые услышала, что такое возможно).
– Очень просто: платишь деньги – и получаешь напечатанную книгу.
– Разве так бывает? – не поверила я.
– Бывает.
– А кому она там будет нужна – моя книга?
– Русских эмигрантов везде полно, так что читатели у тебя везде будут. Может, даже побольше, чем здесь.

– Я – никуда – не поеду.
Не каждый день, но очень, очень часто он затевал этот разговор. Но упирался в то же самое:

– Я – никуда – не поеду.
– Неужели я в тебе ошибся?.. Ты казалась мне такой мягкой и покладистой.
– Это только внешне.
– Значит, ты меня обманула?
– Я? тебя? обманула?! Ты придумал меня. А теперь расплачиваешься.
– Ты должна слушать меня. Я – муж, и я на одиннадцать лет старше.
– Ну и что? Я слушаю только голоса своего сердца.
– Ты – не правильная жена.
– А ты – не правильный муж. Муж не должен делать то, что противно жене.
– Да я пока ничего не делаю. Я только убеждаю тебя.
– Давай закончим этот разговор. А то мы опять поссоримся. Америка не стоит того, чтобы трепать из-за неё нервы каждый Божий день!

* * *

А вот на самом деле: почему нет? Ведь многие уезжают... И приживаются там. И вполне довольны.

Просто я – дерево. Наверное, слишком укоренённое. Моя почва – русский язык. Мой воздух – русский язык. Я укоренена в русском языке. И в любви к моим близким. Такие деревья пересаживать опасно. На новом месте они просто гибнут... *другое*

Как написала Людмила Окназова:

Вот и я – дерево. И другим мне не быть. Никогда... *такое*

* * *

Всю зиму и весну писала стихи о цирке...

Цирк – это был МОЙ мир, и в нём я спасалась от реалий своей теперешней жизни.

Когда до меня дошло, что цирка у меня больше никогда не будет, на меня такая ностальгия накатила!..

Передо мной как будто постоянно разыгрывалось цирковое представление. И это представление рвалось на бумагу! Слоны, лошади, гимнасты, фокусники... И, конечно, клоун. Мой Клоун. Другого клоуна в МОЁМ цирке быть не могло...

МОЙ цирк. Который был впаян в моё сердце, как кардиостимулятор.

Написала целую книгу. И назвала её «Тёплый купол».

* * *

Прибежала радостная и взволнованная мама:

– Тебе звонил Юрий Никулин!
– Никулин? А по какому поводу?
– Вот его телефон. Он просил перезвонить ему. Короче: он теперь в редколлегии циркового журнала, и хочет напечатать твои стихи! У него что, есть твои стихи?

– Да, когда-то давала почитать... Ещё когда в цирке работала осветителем. И он не вернул тетрадку. Так они ему понравились.

– Ой, как здорово! Ну, беги, звони ему скорее! Вот, я тебе уже пару «двушек» захватила...

* * *

Звоню из ближайшего телефона-автомата.

– А, привет! – говорит Юрий Владимирович весело и дружелюбно. – Ну, как дела? Какие у тебя новости?

– В Литературный институт поступила.

– Поздравляю! Рад за тебя.

– Правда, это не совсем новость, я уже на третьем курсе.

– Тем более, поздравляю! А я вот тут разбирал свой архив и обнаружил твою тетрадку со стихами. Перечитал. Они мне ещё больше понравились. Хочу напечатать в нашем, цирковом журнале. Даже странно, что они до сих пор не были напечатаны. Такие отличные стихи! Никто о цирке так не пишет, как ты. Там, в тетрадке, и телефон твой обнаружил. Позвонил. Но оказалось, ты там больше не живёшь. Напугал твою маму. Говорю: «Это говорит Юрий Никулин», а она – «Мужчина, перестаньте хулиганить!» Строгая у тебя мама. А у тебя телефона разве нет?

– Нет, только телефонная будка.

– А стихи новые о цирке есть?

– Много!

– Ну, тащи их тогда все в редакцию! Только она теперь не в цирке на Цветном, как раньше, а на Кузнецком мосту. Когда принесёшь?

– Да хоть завтра!

– Отлично! Тогда они успевают в следующий номер!

* * *

И они действительно вышли в следующем номере.

Целая подборка! С такими чудесными рисунками...

Жаль только, что фамилия художника не была указана.

* * *

Безухов ушёл в тот самый вечер, когда выяснилось, что я беременна. А я себя очень паршиво чувствовала в тот вечер. Мы поссорились из-за какой-то чепухи, он взял портфель, запихал туда пару чистых рубашек и ушёл. Прямо как в плохом кино.

* * *

Утром, к счастью, зашла мама.

Мне было совсем нехорошо...

– Что же он так рано ушёл сегодня, и оставил тебя в таком состоянии? – удивилась мама.

– Он ушёл не рано, а поздно. Ещё вчера...

Мама побежала в телефон-автомат, вызывать «скорую»...

* * *

Вот, лежу в Боткинской больнице...

Хотели сразу, как привезли, положить на операционный стол, но потом решили подождать, посмотреть, как дело пойдёт.

Меня навещает мама. Говорит, что Б. вернулся и живёт дома. Но ей не звонил, про меня не спрашивал. То, что он вернулся, мама легко вычислила, когда зашла полить фиалку на окне, и увидела мойку, полную грязной посуды и не застеленную постель.

Безухов вообще считал выше своего достоинства убирать за собой постель и мыть посуду. Не представляю, как он раньше жил? Ну, вот так и жил. Он жил с заботливой мамой, ни о чём не заботясь. Хотя мужику уже скоро тридцать шесть. Его мама, Людмила Борисовна, говорила мне, извиняясь:

– Конечно, я не смогла его ни к чему приучить, потому что всегда всё делала за него сама. Пару раз попросила его что-то сделать, ему уже восемнадцать лет было, но он не сделал, забыл. Я обиделась и больше его ни о чём не просила. Но зато мой сын очень умный. Может быть, даже гениальный!

Это её утешало. И примиряло с тем, что сын в руках умеет держать только ручку портфеля и шариковую ручку.

– Он пошёл в своего отца. Когда мы поженились, на следующее утро после свадьбы я пошла к колонке за водой, с двумя вёдрами, мы жили тогда в Малаховке, в доме без удобств, а мой молодой муж сел читать книжку... Так мы и жили. Он был мне и мужем, и ребёнком. А потом началась война, и он решил идти на фронт переводчиком. И я пошла вместе с ним. Я не представляла, что он где-то будет один, без меня... А двухлетний сынуля уехал вместе с бабушкой в эвакуацию... За время войны он совсем забыл меня. Когда мы вернулись в сорок пятом, ему уже было шесть, совсем большой мальчик. Он не мог вспомнить меня, и долгое время называл «тётей». Я плакала... Потом родилась Ася, потом Серёжка. И когда я вернулась с Серёжкой из роддома, мой любимый муж ушёл к молодой девчонке, оставив меня с трёмя детьми на руках и с парализованной матерью. Сказал: «Она ждёт ребёнка, я же не могу её бросить в таком положении». – А как же я?... – «Ты уже опытная, справишься, а она совсем юная, ей без мужа будет трудно...»

Мне было её очень жалко. Это была добрая, слишком добрая женщина. Она продолжала любить своего мужа, несмотря на его предательство. Она без конца говорила о нём: о том, какой он талантливый переводчик, и как он сильно любил её в молодости, он даже грозился покончить с собой, если она не выйдет за него замуж. А ещё она говорила: «Единственное, о чём я мечтаю – это умереть раньше него. Чтобы он пожалел. И понял, кого потерял...» Но мечте этой не суждено было сбыться.

Да, Безухов пошёл в своего отца. И головой, и руками. Был такой смешной случай. Вообще, было много смешного. А в тот раз надо было повесить полку.

– Сходи, пожалуйста, за дрелью к соседям, – попросила я.

Он сходил. Принёс. И протягивает мне.

– А мне-то зачем? – опешила я.

– Но это же ты просила дрель. Я тебе принёс.

Он сидел, читал умную книжку, а я стояла с дрелью на табуретке и сверлила бетонную стену, чтобы повесить полку для книг.

– Кстати, а ты не хочешь поработать дрелью?

– Нет, – сказал он. – У тебя это хорошо получается. Гораздо лучше, чем у меня.

– Что же ты за мужчина?

– А у меня другие достоинства.

– А помочь мне не хочешь?

– Я же не прошу тебя помочь мне написать статью. Не хочешь сверлить – не сверли. Я тебя не неволю. Ты сама взялась за эту дрель. А уж если взялась – то не упрекай меня.

С логикой у него было всё в порядке. Но с чем-то, более важным, чем логика, шла явная пробуксовка... В тот раз я смеялась.

Да, было много смешного. Например, надо было пододвинуть большой платяной шкаф. Он сказал:

– Ничего, мама завтра собиралась зайти, вот и пододвинет.

– Мама?! – изумилась я.

– А что? Мама всегда двигает мебель, у неё это хорошо получается.

И мама действительно пришла, и мы с ней вдвоём двигали шкаф... И я опять смеялась... Ышлой платяноннуть книть книжны мы сней вдвоём двигали шкаф. (Через полгода уже плакала).

* * *

Выпустили из больницы. Но прописали постельный режим.

Сижу на балконе, в своём любимом кресле-качалке, смотрю на свой любимый закат...

На горизонте – маленькая Куркинская церковь...

Низко, со свистом, проносятся ласточки...

* * *

Возник Безухов. На мой вопрос: «Что это ты вдруг вернулся?», он ответил: «Здесь мои книги, и я здесь буду жить».

– А книги перевезти некуда?

– Пока некуда.

Значит, всё дело в том, что некуда перевезти книги.

Б. оккупировал кухню, спит там на раскладушке.

Мама радуется, думает – мы помирились. Я ей ничего не рассказываю.

* * *

Хожу на мост, сижу там... смотрю на Химкинское водохранилище, сверкающее в вечерних лучах солнца... на тёмные леса, уходящие к горизонту... Мой любимый старый мост на заклёпках. К сожалению, его скоро разберут, параллельно с ним уже давно красуется новый широкий мост через канал, по нему несутся два, сверкающих на солнце потока машин... А мой старый мост на заклёпках зияет огромными дырами... если заглянуть в такой провал – увидишь глубоко внизу, как в колоде, тёмную, лоснящуюся воду, скрывающую страшную глубину... и голова закружится...

Среди этих зияющих глубин гуляю только я. Мост охраняют зелёные солдатики с автоматами, и вообще проход на мост запрещён. Это – не место для прогулок беременных женщин. Но солдатики почему-то пропускают меня. Почему? Не знаю...

Сняв босоножки, сажусь на самом краешке, свесив с моста босые ноги. Солнце ярко светит в лицо... А под мостом проплывают прогулочные теплоходы в клубах дыма и музыки... И длинные, неторопливые баржи... Порой с палубы кто-то машет мне рукой... А я болтаю ногами, смотрю на этот залитый солнцем мир и рассказываю тебе – сыночку – про этот сказочный мост на заклёпках, по которому гуляю только я и больше никто, точнее – только мы с тобой... Ведь ты тоже гуляешь каждый вечер по этому мосту! Рассказываю тебе про сверкающие тёмной густой воды, на которую страшно смотреть... Про белых толстых чаек, которым эта страшная вода совсем не страшна, им так уютно качаться на сверкающих волнах... Рассказываю про весёлые, певучие теплоходы, про длинные, гружённые жёлтым песком баржи, и про зелёные леса до горизонта...

Мне так хорошо с тобой, мой маленький, мой родной. Теперь мне есть с кем разговаривать каждую минутку... У меня есть чудесный, внимательный собеседник. Который умеет слушать!

(В те времена ещё не существовало способа узнать до родов пол ребёнка, но я интуитивно чувствовала, что вынашиваю сына. То, что у меня будет сын, я знала давно, с отрочества. Знала: когда-нибудь у меня будет сын!)

* * *

А иногда я гуляю по берегу бухты, собираю на зелёном холме крапиву – себе для супа. Денег нет совершенно. Но сказать об этом маме не могу. Устроиться на какую-нибудь работу? В моём положении – нереально. Вот, получила гонорар за две публикации в журнале. Но деньги, особенно маленькие, имеют свойство быстро кончаться.

Безухов приносит себе по вечерам две бутылки кефира и выпивает на ужин. Утром я сдаю эти две бутылки и покупаю себе одно яйцо и два яблока. Или два яйца и одно яблоко. И четвертушку хлеба. Это мой дневной рацион. Надо мной в нашем магазине откровенно ржут продавцы: «А, опять наша чудо-покупательница пришла!»

Один раз мама принесла нам курицу. По какому-то поводу. Пока она разморозилась, пока изжарилась, было уже поздно. Есть ночью не стала, оставила её в духовке. Б. пришёл за полночь, улёгся на своей раскладушке на кухне.

Утром я открыла духовку, вынула противень с курицей и обомлела. На противне лежала гора костей и морщинистая куриная шея.

– А где... курица? – задала я дурацкий вопрос.

– Не знаю, – невозмутимо ответил он.

– То есть, как не знаешь? Кроме тебя ночью на кухне никого не было.

Он молчит.

– Ты что, её съел?! – задаю я глупейший вопрос.

– Я её не ел, – отвечает он также невозмутимо.

– Как не ел?!

– Я только косточки обсосал. Там и есть-то нечего было...

– А мне, выходит, ничего не оставил? – задаю очередной идиотский вопрос. (Сколько же их у меня в запасе?!)

– Почему не оставил? Шею!

Я смеялась так, что мне чуть плохо не стало. «Только косточки обсосал!» Хороший сюжет для водевиля, или для фельетона.

* * *

– Ну как, вкусная была курочка? – спросила меня мама, когда пришла в следующий раз. – Хорошо прожарилась?

– Отлично прожарилась! Спасибо тебе, мама.

Только теперь до меня дошёл смысл слов его матушки, которая рассказала мне о своём драгоценном сыне:

– Понимаешь, во время войны он был ещё совсем маленьким ребёнком, а был голод, и он привык, что всё – ему, в первую очередь – ему.

– Но война закончилась тридцать лет назад! – напомнила я ей.

– Но вот видишь, детские привычки, оказывается, неискоренимы. Это бабушка виновата, она с ним была в эвакуации и приучила к тому, что всё – ему!

И тут мне вспомнилась банка с вареньем...

Прошлой зимой, когда я жила в Староконюшенном переулке у Валконды, я заболела ангиной. Валялась несколько дней с высоченной температурой, и меня все решили навестить: и Пресманы приходили, приносили вкусные пирожки, испечённые Антониной Самуиловной, и моя крёстная Людмила Фёдоровна принесла мне мягонький, тёплый, белый шарфик на шею и огромный грейпфрут (большая диковинка и редкость в те годы).

И вдруг явился Безухов с банкой вишнёвого варенья. Он сказал, что вишнёвое варенье хорошо помогает при простуде. Вручил мне эту банку, стоял в прихожей и не уходил. Пришлось поить его чаем. Он обрадовался чаю, открыл банку с вареньем, взял большую ложку, пододвинул к себе банку и быстро всё умял, оставив варенья на самом-самом доньшке. После чего, ещё раз заверив меня, что вишнёвое варенье полезно при простуде, он удалился. Я с трудом сдерживала смех, пока он не ушёл.

А потом мне его стало жалко: бедный-бедный, подумала я, как же он голоден был, что не мог оторваться от этой банки!

Бедный-бедный, как же он голоден был, что не мог оторваться от этой курицы...

Бедный-бедный.

* * *

А с его младшей сестрой Асей мы подружились. Она немного старше меня, но кажется, что – младше. Невысокого роста, хрупкая, темноглазая. Славная девчонка. Переводчица

с румынского, тоже в Литинституте училась, но уже закончила. Говорит, что когда мы с Б. первый раз (и единственный) пришли к ним в гости, то она меня сразу узнала. Говорит:

– Я тебя видела прошлой весной на субботних беседах у отца Димитрия Дудко, в Преображенском храме. И запомнила. Ты была в длинном чёрном пальто, похожа на монашенку... Вот не думала, что мы породнимся!

Я ничего ей не рассказываю – про наши трудности с Б. Зачем? Это будет похоже на жалобу. А зачем? Он же её брат, она его любит. Она окажется между двух огней. А зачем мне ставить её в такое неловкое положение?

Ася, когда приходит, варит мне супчики. Она умеет сварить супчик за две минуты. Очень милая, заботливая. Совершенно не похожа на своего брата.

* * *

Приезжала Марьяна Тонкова, моя крестница.

Я ей тоже ничего не рассказываю о своей семейной жизни. Зачем? Чем может помочь мне подруга? Перевоспитать моего мужа? Сделать ему внушение? Какое внушение, о чём?! О том, что он в принципе не тот человек, о котором я мечтала?..

Стоп! Я ведь ни о ком не мечтала. Я решительно ни о ком не мечтала! Я сказала себе: «Какой идиот позовёт, за того и пойду!» Так что моё желание было выполнено...

Марьяна считает меня очень счастливой. (А я, оказывается, очень скрытный человек. Из меня калёными щипцами никто бы не вытянул, как оно есть на самом деле...)

Так что говорили мы только о приятном. Об именах для мальчика.

– Нет, ты всё же и для девочки должна припасти имя. Вдруг девочка?..

– Ну, тогда Антонина, если не Антон! – смеюсь я. – Но всё-таки это Антон!

– Какая ты счастливая!.. Мне бы тоже очень хотелось возить колясочку... Когда я вижу на улице женщину с коляской, прямо плакать хочется. Я тоже уже имена придумала для своих детей: Верочка и Феденька. Но... мой муж не хочет детей. Хотя он такой хороший, заботливый... Он жизнь за меня готов отдать. А детей – не хочет! Я, Машка, тебе по-хорошему завидую...

Вот так вот. Всё в жизни – относительно.

* * *

Что-то мне опять похудшало. Такие острые боли, что и встать не могу...

Приезжал отец Сергей Хохлов. Отслужил молебен за меня и за мою детку. Долго-долго и очень горячо молился... Какие-то особые молитвы читал надо мной. Исповедовал меня и причастил.

Когда он уехал, я спокойно встала. Никаких болей. Чудеса! Великая сила – молитва...

Целый день думала об отце Сергии, вспоминала, как он прошлой зимой готовил меня в монастырь, как ездила в его храм в Ухтомской... Когда он уходил, я подарила ему стихи, написанные прошлой зимой.

* * *

Лето 1975 года. Июль. В небе – облака и ласточки. Они носятся лёгкими стайками на фоне красного и растрёпанного, как гигантский пион, заката...

Я сижу на лоджии, на тринадцатом этаже, лицом – в закат, тихонько покачиваюсь в кресле-качалке и жду сына...

Нет, жду я его не с прогулки, не со двора. Жду – из вечности...

До нашей встречи – ещё долгих семь месяцев. Он ещё даже и не постучался, мой мальчик. Ни разу ещё не подал мне знака: я здесь, ты не одна в этом мире...

И пока – вот в такие закатные часы – мне кажется, что – я одна. Одна-одинёшенька. Под этими облаками, перед лицом дымящегося, как пожар, заката, под этим мельтешением ласточек: небо точно задёрнуто вуалью...

Одна. Всегда была одна. И буду.

И мальчика своего я жду одна.

А где-то – за окраинами этой бескрайности, моего всё разрастающегося одиночества – блуждает, всё более и более удаляясь, – тот, кто так и не стал мне мужем. Для которого и я не стала «идеальной женой». А стала лишь камнем преткновения. Этаким материализованным знаком вопроса.

Одним словом – взаимно.

Банальная история...

Открываю словарь. Синонимы к слову «банальный»: избитый, шаблонный, штампованный, неоригинальный, не блещущий новизной, плоский, опошленный, стереотипный, стёртый, истёртый, затасканный, заезженный, тривиальный...

Действительно: при желании можно было бы написать комедию. Фарс! Материала вполне достаточно. Можно было бы...

Если бы не было так больно. От всей этой, не блещущей новизной тривиальности...

Если бы не вопрос, который заполняет сейчас собой всю мою вселенную: что я скажу моему мальчику, когда он спросит?..

Как я переведу на его, детский, язык это: «штампованный», «шаблонный», «заезженный»? Ведь в переводе на его язык это будет звучать не так уж комедийно...

Если бы не вопрос: неужели каждая женщина, чтобы стать матерью, проходит через эту заезженную, стёртую площадь?.. То есть: плоскость. Через этот «стереотипный» ад семейной жизни (вымирания под одной крышей...) – неужели каждая?.. И почему такой ценой нужно платить за то, чтобы выполнить предписанное тебе природой?.. За счастье услышать обращённое к тебе: – «Мама!»

Дымится закат... Поскрипывает кресло-качалка... И я жду своего мальчика...

Господи, а ведь всё сбылось! – говорю я себе. Помнишь?..

Лет пять назад, в пору моего отчаянного бездомья, когда меня однажды спросили, о чём я мечтаю, – я сказала:

– Хочу, чтобы у меня когда-нибудь был дом. Обязательно с окнами на закат! А в доме – пишущая машинка, кресло-качалка и – сын. Главное – СЫН!

Которого я жду на самом деле уже десять лет! С той самой ночи, когда он почудился мне рядом, родной и тёплый, он как будто пришёл ко мне на минутку из Космоса, из Вечности, пришёл, чтобы утешить, шепнуть, что я – не одна во вселенной, что он – со мной... Мой сын, имя которому я придумала, когда мне было пятнадцать лет... Антон. Антоний. Антоша. «Антон, Ан-тон...» – так звенит весенняя капель, так поёт летний дождь, так стучит моё сердце...

Всё сбылось. И продолжает сбываться... Так что нечего плакаться! Жизнь не так уж плохо устроена, если сбываются самые заветные мечты...

* * *

Плавится, дымится июльский закат... Стаи ласточек ошалело носятся среди этого огня... Это было. Всё это уже было.

Крыша. Закат. Ласточки... Хрупкие перила. Горячий люк под ногами. И – крепкое, намертво – сплетение пальцев. Моих и – его. И – не нужно слов... Потому что: поздно. Слишком поздно... И ничего уже не переменить в этой жизни.

Кто так жестоко пошутил тогда над нами? Повернул лицом друг к другу. Шепнул: «Вы и есть те самые две половинки!...»

Три года назад... Крыша. Закат. Это было. Огромный город под нами и вокруг нас: каменный, дымящийся на закате океан... И две выплеснутые из этого океана судьбы...

Ты и я. Мне кажется... в эти закатные часы, что мы – ты и я – так и стоим там до сих пор: на нашей сказочной Крыше. И, взявшись за руки, смотрим на закат...

В прошлое своё смотрим – или в будущее?..

* * *

Сколько же я не видела уже тебя? С прошлой осени...

Дочка твоя пошла в школу, сын – в детский сад.

Сколько ещё не увижу?..

* * *

Господи, ну, разве это грех – просто взглянуть в глаза?..

Двор, окутанный синим, горячим сумраком... Телефонная будка.

Трубка – как океанская раковина... Как это просто: набрать твой номер. Я даже не пытаюсь его вспомнить, – рука помнит сама.

* * *

...И вот она – Крыша! Как три года назад. Как много веков назад...

И мы с тобой – как тогда (как всегда) – смотрим на закат, крепко взявшись за руки. Красный прибой плещется у наших ног, оmyвает своими волнами нашу башенку, наш крошечный островок – посреди вечности...

А под лестницей – огарок нашей свечи. Помнишь?.. А вот здесь – тогда – ты оставил для меня букет жёлтых цветов. Такой маленький жёлтый пожар – тогда, в августе, три года назад... И ни на час не сдвинулись с той поры стрелки на башенных часах. И если долго-долго смотреть на них, то начинает казаться, что они – стрелки – идут... назад!

Не помню, что мы сказали друг другу на прощанье.

Ведь я была уверена, что это – прощание.

Наверное, и ты тоже...

* * *

И опять я сидела на своей лоджии, в своём кресле, и опять смотрела на закат... на обугленные облака... на пепел ласточек, осыпающийся на обугленные кроны деревьев... на чёрные, вылизанные огнём крыши... на весь этот обугленный, наполненный до самых краёв безнадежностью, мир...

Но душа моя – пребывала там, на Крыше.

Ну, что ж... значит, зачем-то так было надо: чтобы жизнь мы прожили врозь... *эту*

Уже почти темно. Пишу на ощупь... Я не думаю о том, что мне когда-нибудь придётся разбирать то, что я здесь нацарапала во тьме, в этой тетрадке, – под скрипичное пение моего кресла... Которое тихонько укачивает мою боль, укачивает, как люлька, как зыбка под негаснущим небом...

А потом наваливается ночь. И я захлопываю свою тетрадь. Захлопываю тетрадь с несбывшейся сказкой. Сказав себе при этом в утешение:

«Ничего. В следующей жизни всё будет по-другому!...»

* * *

Да, лето было не очень весёлым. Сначала одна больница, потом – другая.

Когда я ещё в Боткинской лежала, и срок был маленький, мама то и дело заводила мучительный для меня разговор:

– Вот ты без отца росла, и что в этом хорошего? В одиночку растить ребёнка очень трудно... А ты молодая, неопытная, и у тебя ещё институт, ты же не собираешься его бросать?

Я её почти возненавидела за эти прозрачные намёки! Отказаться от своего сына?! Убить его?! Своего сына, о котором я мечтала всю жизнь!

– Ни за что!!! – кричу я маме.

Но потом, когда срок увеличился, мама уже не заговаривала об этом. И когда я во второй раз попала в больницу, мама приезжала ко мне уже с другим настроением, ободряла:

– Всё будет хорошо! Ты главное – ни о чём не переживай. Не такой уж он плохой человек.

Ну, нелепый немножко. Наверное, учёные – все такие. Далеки от земных забот...

* * *

Летом торчать в больнице – не самое весёлое занятие.

Притом, что даже нельзя выйти во двор погулять. Ни-ни. Постельный режим. Угроза выкидыша. Лежи тихонько. Лежи себе и лежи...

Прилетала под окошко Маришка яркой бабочкой... такая красавица! Этим летом она закончила школу. Совсем взрослая у меня сестрёнка.

Приезжала Ася. Поболтали с ней о том, о сём. Я – на втором этаже, в окне, она – под окном.

Пару раз приезжал Безухов. Вдруг появлялся под окном, довольно мрачный. У меня только портилось настроение. Совершенно непонятно, о чём говорить?..

* * *

Всё было так тоскливо и трудно в то лето... это бесконечное лежание... и пугающие прогнозы врачей:

– Вряд ли ты доносишь. А если и доносишь, то не родишь.

– Как не рожу?!

– Сама не родишь. Такие дистрофики, как ты, сами не рожают. Надо будет кесарить... Вообще, у тебя не должно было быть детей. Очень странно, что ты забеременела. Может, у тебя ложная беременность?

– Что значит – ложная?

– Ну, иногда женщине так сильно хочется иметь ребёнка, что у неё развивается ложная беременность. Все признаки беременности налицо – а ничего на самом деле нет!

Они и Безухову это сказали. И он мне написал в записке: «А ты знаешь, что у тебя ложная беременность?»

Какие же они все идиоты!

* * *

Я лежала на больничной койке, перебирая в памяти месяцы прошедшего года...

Как всё хорошо начиналось: дом мой освятили четыре священника!

И как всё было трудно и плохо потом...

Но ведь было же, должно было быть что-то хорошее! Только вот вспомнить бы...

Странно: почему хорошее так быстро забывается?..

Ну, давай, вспоминай, говорю я себе. Что ты ответишь сыну, когда он спросит: «Неужели в этом человеке были только недостатки? Тогда зачем ты за него пошла?»

Ну, не «зачем», а «почему» – а это большая разница. Потому, что отчим выталкивал меня из семьи. Потому что хотела сделать себе ещё хуже! «Пусть будет ещё хуже, только по-другому!» – да, это моя навязчивая идея той злополучной осени... «Но разве из одних лишь недостатков состоял этот человек?» – спросит меня сын.

Нет, не только из недостатков. Пока с этим человеком не живёшь под одной крышей, то видны исключительно его достоинства, их немало, и они подкупают. Ну, во-первых: этот человек очень образованный, очень умный. С ним можно говорить на любую тему! Точнее – его интересно слушать. (А отвечаешь ты ему или нет, его это не очень волнует, так как он нуждается, прежде всего, в слушателях). Он занимается историей науки, так что поле его интересов – весьма широко... Больше всего на свете любит читать книжки. Знает множество языков, настоящий полиглот. Во-вторых: он любит путешествовать. Интересно рассказывает о странах, в которых побывал. В-третьих: к вещам абсолютно равнодушен. Деньги копит только на туристические путёвки. Общаюсь с ним, думаю: «С таким человеком, наверное, никогда не бывает скучно». Ну, как бы одни только достоинства. Только вот не в меру говорлив... Но если человеку есть о чём рассказать, и если находятся слушатели, то почему бы и не поговорить?

И при этом... при этом он производит впечатление человека одинокого, даже жалкого почему-то – такой неухоженный всегда, чёрная пуговица на пиджаке пришита белыми нитками, мятый галстук, старая, нелепая шляпа на голове... Страшно рассеянный: может запро-

сто надеть свитер наизнанку и поехать так на работу; может забыть обуться и пойти осенью на улицу в пальто, шляпе и в домашних шлёпанцах... Ну, точно как человек рассеянный из одноимённого стихотворения! В этом даже есть что-то трогательное. Мама моя говорит: «Наверное, все учёные такие чудачки», и начинает рассказывать что-то про гениального Ландау, и ещё про кого-то... Да, с виду – чудак. Кажется – никто его не любит, и никогда не любил, никто о нём не заботится, (а сам он позаботиться о себе не умеет), никто его не понимает и не ценит...

Этим он и подкупает – своим интеллектом и своей одинокостью. Такого человека искренне хочется пожалеть.

И вот этот человек дарит мне крестик и говорит: «Это для моей невесты...»

...А потом оказалось, что человек и его интеллект – это не одно и то же. По крайней мере, в данном случае это существовало как-то независимо одно от другого. Оказалось, что здесь интеллект плюс прагматизм. И прагматик в нём заботится лишь о том, чтобы комфортно жилось его интеллекту. Чтобы жизнь вокруг него была организована так, чтобы он мог спокойно читать книжки... Как его отец. Ему было с кого брать пример. Но там была самоотверженная до полного самоотречения жена. Она почти молилась на своего гениального мужа... Мама моя, опять же, приводила мне в пример разных самоотверженных жён разных великих учёных. Но я не тянула на эту роль. Эта роль меня не устраивала. (Я чувствовала, что есть у меня и другие, не менее важные, задачи). Если быть искренней до конца, то я во всём и виновата. Это я не вписалась в ту схему семейной жизни, которая ему казалась идеальной и единственно возможной: гениальный муж и жена-служанка. Но мне (почему-то) не хотелось всю свою жизнь положить на облуживание его интеллекта. Мне, наивной, хотелось жить с человеком, который видит во мне творческого человека, личность. Да, мне не улыбалось жить с холодным, пусть даже и блестящим, интеллектом. Интеллект сам по себе не греет...

И даже полиглотство этого странного человека не помогло нам найти общий язык. Увы!..

* * *

У меня даже обида временами вспыхивала на отца Александра: ну, почему, почему он не отговорил меня от этого странного замужества? Почему не топнул на меня ногой и не сказал строго: «Не совершай эту ошибку! Нельзя выходить замуж только из жалости! И только из желания сделать себе ещё хуже!»

Неужели отец Александр тоже считал, что для меня пусть и хуже, но только бы по-другому? Или он видел что-то ещё иное, чего я сама не видела?..

Или он учил меня пользоваться свободой? Он всё время учил меня пользоваться свободой. Есть духовные отцы, которые сами всё решают за своих духовных чад. И есть чада, которые с готовностью отрекаются от своей воли и действуют только по указке батюшки. Но это – не про моего духовного отца и это не про меня.

Отец Александр позволял мне совершать ошибки. Позволял учиться на них. Он не посягал на мою свободу выбора – на этот Божий дар. Он ничего не решал за меня. Он только учил меня пользоваться свободой. И молился за меня...

* * *

– Что это такое? – возмущался мой лечащий врач. – У тебя вместо живота ямка! Уже живот должен быть! Посмотри на своих соседок. Им уже места в общественном транспорте уступают. А тебе и на девятом месяце уступать, наверно, не будут! Когда ты начнёшь в весе прибавлять? Подумай о ребёнке!

Подумай о ребёнке... Я только о нём и думаю! О ком же мне ещё думать?.. Я кладу руку на живот (точнее – на то место, где должен быть живот) и прислушиваюсь... – нет, пока ничего не слышно...

Почему так тоскливо, Господи?..

Неужели не могло быть иначе? И что это – на роду у нас написано? Мама осталась за девять месяцев до моего рождения одна, и я, по сути, тоже одна...

Самое долгое и, одновременно, самое быстротечное лето в моей жизни...

* * *

Как только меня выпустили из больничной клетки, (с условием, что буду отлёживаться дома), я тут же поехала в Новую Деревню.

Автобус, метро, электричка, ещё один автобус... Представляю, чтобы сказал мне мой лечащий врач, увидев меня трясущуюся на перекладных!

Но я была уверена, что всё будет хорошо. Ведь я ехала к отцу Александру.

Была суббота. Время близилось к пяти – к началу вечерней службы. Но храм был ещё закрыт. Во дворе – ни души. Это завтра, в воскресенье, к литургии сюда приедет много народу из Москвы. А к субботней всенощной приходят только новодеревенские старушки и Елена Семёновна, мама отца Александра.

Я сидела на крылечке своего любимого храма. Была середина августа, ласковое солнце запуталось в густых кронах... шелест старых деревьев вокруг храма... потемневшие кресты погоста... Пролетали маленькие оски и стрекозки... Было тихо и спокойно в мире... Только во мне царапались тревожные вопросы, на которые я не знала ответа. И – самый трудный на сегодняшний день вопрос: «Зачем это всё со мной случилось? Какой в этом во всём смысл?..»

...И вот он уже идёт по двору, к храму, мой добрый батюшка, он улыбается мне своей тёплой, как летнее море, улыбкой.

И я спрашиваю его:

– Отец Александр, скажите, какой в этом во всём смысл?

Он смотрит на меня... так глубоко смотрит, как будто проникает взглядом не только в мою душу, но и в моё будущее... И спокойно, с уверенностью говорит, кивнув весело на мой живот:

– Вот родится, тогда и узнаешь, какой в этом во всём смысл! *он*

Я – такое Дерево!
Господи, прости...

* * *

Где вы, бродячие гимнасты,
Покинувшие отчий кров?
Где ваши скрипки, ваши астры
В петлицах пыльных сюртуков?

Сегодня в сумраке заката
Мне вдруг почудилось опять:
Уже натянуты канаты,
Смычки настроены играть...

И я окошко распахнула
И глянула в квадрат двора, —
Но там, внизу, как пёстрый улей,
Кружилась только детвора...

Малыш среди ромашек топал.
Над крышей – куполом – закат.
И я подумала: вон тополь,
Там можно зацепить канат...

СКРИПАЧ

посвящается Леониду Енгибарову

Он выходил —
лукавый шут, мартышка!
В огромном фраке, фалдами пыли...
Смычок в кармане,
скрипочка под мышкой,
Измятой шляпы пыльные поля.

Вот в позу встал.
Поправил бант атласный.
Приладил скрипку – и хотел начать.
Но тут пошли ужимки и гримасы,
Прыжки,
паденья,
слёзы в три ручья...
Он так смешно терял смычок и шляпу!
Листками нот всё забросал вокруг...
Он скрипку тряс,
просил,
грозился,
плакал, —
Он так хотел извлечь хотя бы звук!
Всё было тщетно.
И паяц несчастный —
Чем вызвал у толпы восторга крик —
Взял скрипку
и разбил её на части!
И вдруг опомнился.
И над смычком поник...

Опять я вспомнила то пепельное лето...
Тебя – мой незадачливый скрипач.
Унылый бант, горошек на жилете...
Смешон – хоть плачь!

ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

...Когда затихнет в душном зале смех
И в раздевалке шарканье и топот, —
В пустом партере тополиный снег
Повиснет меж колонн дремотой тёплой...

Когда артисты по домам уйдут
В сопровождении поклонниц пылких, —
Униформисты клетку разберут
И метлами сметут с ковра опилки.

Тогда реклам рассыплется огни...
И подсчитает выручку кассирша,
И растворится вестибюль в тени,
И шорохи дождя манеж услышит...

И, вспоминая о прошедшем дне,
Задёрнут желтоватой, мутной дымкой,
Манеж лежит как бы на тёплом дне
Уютного мирка, где спят в обнимку —

С котёнком лев и с воронёнком лис...
Ущербная луна обходит купол...
А где-то, в дальнем уголке кулис,
Влюблённая в Петрушку плачет кукла...

отцу Сергию Хохлову

...И вижу я сквозь снега:
Из храма на крыльцо
Выходит отче Сергей
С задумчивым лицом.

Он смотрит сквозь берёзы
На холмики могил.
А зимний полдень – розов
Под сенью снежных крыл...

Кричит воронья стая...
В резьбе морозной дверь.
И снег почти не тает
На русой бороде.

Он достаёт из рясы —
Как август из зимы —
Два освящённых, красных,
Два яблока: «Возьми!»

Они теплы и круглы...

Ах, снегопада плен!
Уже сокрылся купол,
Уже не видно стен.

Всё глуше, глуше снега...
Уже не помню дня.
И только отче Сергей
Всё смотрит на меня...

* * *

Как далеки мы друг от друга
В минуты те, когда закат
Очерчивает круг за кругом,
И прошлое зовёт – назад...

Но нет пути и нет коня
Прорваться нам сквозь это пламя.
И ты молчишь, невольно рая,
Глядишь куда-то – сквозь меня...

Весь горизонт огнём охвачен...
И ласточек сгоревших дым
Летит на крыши и сады...
Ах, Боже мой, о чём мы плачем?

О чём так горестно грустим?
Нас в детстве держит —
мыльный шарик...
Там – никого. Лишь ветер шарит
По улицам давно пустым...

* * *

...И каждый год я прихожу сюда —
Где скрипы лестниц в тишине часовни,
Где пауки не спят, и дремлют совы,
В окошке – дождик – тонкая слюда...

Под лестницей – как тыщу лет назад —
Свечи огарок, жёлтая записка...
Здесь кажется всегда, что встреча – близко,
Когда пылает над землёй закат...

Я вниз смотрю – на стаи пыльных крыш.
Кружится голова хмельно, привычно...
Был – древний Рим когда-то, был Париж, —
Бурлит Москва под колокольной нынче...

Имперьи рушатся. А башенка – цела.
Бегут года, столетья...
мимо, мимо...
Мой вечный зов записка сберегла:
«Я жду тебя. Поторопись, мой милый!»

* * *

Сегодня первое июня.
А завтра – август,
тридцать первое...
Как происходит?
Мне, наверное,
Не догадаться никогда.

Как, не начавшись,
сон кончается?
И только носит имя нежное...
Кто эти лета копит бережно
И вечно манит нас туда?..

Кто посылает призрак праздника
И голубые топи тополя
Цветущего?..
Тревожит тропами,
Белеющими по ночам...

Они уводят к лунным пастбищам,
Где золотые одуванчики,
Где сон-трава...
А голос вкрадчивый
Мне шепчет: «Август, тридцать первое...»

Глава 3. Бессонное окно

Ты у меня – от полюшка клеверного —
Сладкий да ласковый.
Ты у меня – от дороги просёлочной —
Нрав твой неровен.
Ты у меня – от рощи берёзовой —
Глазаны ясные.
Ты у меня, мой первый, единственный, —
От этой звезды над полем...

Ты у меня – от полночи сказочной —
Тайна бездонная.
Ты у меня – от утра весёлого —
Всё обещающий.
Ты у меня, мой первый, единственный, —
От этой звезды над полем...

* * *

Был тяжкий снег.
И сумерки с дождём...
Был чёрствый хлеб
запит холодным чаем.

Сначала показалось:
пуст мой дом...
(Хотя я радости от тишины не чаю!)
Дверь заперта.
И тяжкий мокрый снег
Тебя подталкивает в спину —
прочь отсюда!
(А сколько перебили мы посуды!..
Я думала: на счастье...
Смех и грех).

А в колыбельке чутко-голубой
Спит тихий ангел —
маленький Антоний...
Он слишком мал,
он не знаком с тобой,
Он этот вечер никогда не вспомнит.

Пушай он смотрит солнечные сны,
Покуда тяжкий снег
на землю валит...
Спит безмятежно в голубом овале

Любовь последняя —
мой двухнедельный сын.

* * *

Ничего не осталось
Этим вечером белым...
Только в сердце усталость.
Только сын в колыбели.

Только гул за окошком —
Поезд?.. гром?.. канонада?..
Ничего не осталось —
Только сын. Только правда.

Только стёкол дрожанье...
Только лампы качанье...
Только жгучая жажда
Все изведать сначала.

Здесь,
в негромкой квартире,
Где — не зрим для метелей —
Набирается силы
Ясный Свет в колыбели...

* * *

Что снится сыну моему?..
Прекрасно маленькому сыну
В плетённой солнечной корзине,
В январском ласковом доме...

Что снится жилке на виске
И этим шёлковым ресницам?..
А лунная тропа пылится,
Звезда за окнами двоится,
Лежит подковка на песке...

* * *

Антоше

Мы выходим с тобой из роддома —
Из покоя и белизны —
В этот гул,
в этот топот и громы —
На порог весны иль войны?

Что там —
белый снег иль знамение
Завихрилось между домов?..

...Вновь летит навстречу крушению
Скорый поезд...
Во тьме облаков,
Словно птичий домик фанерный, —
Рассыпается самолёт...
И ещё один оборот,
И ещё один оборот...
Вся планета в рёве и грохоте,
Вся планета в плаче
и в хохоте
Бесноватых и дураков...
Потрясают земле-
трясения,
Революции, эпидемии
Старый мир – до самых основ.

Для тебя ж он – прекрасен и нов...

Из таинственной звёздной кузницы
Мы выходим с тобой на улицу —
На простор дорог и ветров...
Дымный снег клубится...
И топчется
На углу, озябнув, цветочница
С жёлтым пламенем южных цветов...

Ты не можешь не любить
Эту землю подмосковную,
По которой я ходила —
В ожидании тебя...

* * *

За окнами закат,
пороша...
День ускользающий лови!

Под сердцем маленький Антоша
Стучится мотыльком любви.
Стучится крылышком упругим, —
Дай волю —
выпорхнул бы в сад!
Закат сгорает круг за кругом...
И в поле зреет снегопад.

И зреют звёзды —
словно гроздя
Рябин – и падают в жнивье...

В окошке свет не гаснет поздний...
Здесь до Покрова доживём.

Светом Яблочного Спаса
Наливается душа...
Утра своего – и часа
Дождалась я, не спеша.

И горит Преображение
Чистым пламенем зари!
Знаков и предчувствий жженье...
«Имя, имя назови!»

Хор кузнечиков за храмом —
Деревенский мир, приют...
В окнах выставлены рамы,
Слышно – певчие поют...

И антоновкой закатной
Пахнет клирос и притвор.
Золотом листвы закапан
Маленький церковный двор...

Над сторожкой тихо рдеет
Августа – рябины ветвь...
А в душе неслышно зреет
Плод – спасение – ответ.

Какая странная весна!
Мне кажется, в такие вёсны
Мы тяготимся жизнью взрослой
И нам мерещится одна,

Одна мечта – спать в колыбели
Дни и недели напролёт, —
Пока на землю снег идёт,
Холодный, тяжкий, белый-белый...

Весна, какой уже давно
Не помнят даже старожилы.
Спать в колыбели иль могиле,
Пожалуй, многим всё равно...

И тяжкий снег уставшим душам
Сравним лишь с тяжестью креста.
Как продолжение поста —
Седмица Светлая —
всё глуше

Сомненья, снег и мрак зимы...
Не видно впереди просвета.
О Господи! пошли нам лето!
Хотя не заслужили мы.

* * *

Твои первые десять лет я почти не спала. Сначала – с тобой за компанию: не спал ты – не спала и я.

Потом много лет работала по ночам...

А в те, первые месяцы, брала тебя на руки и садилась за свой письменный стол у окна: надо было писать курсовые. А ещё я вела дневник, в котором писала о тебе, моя радость!

На сгибе левой руки – ты, мой маленький, в правой руке – шариковая ручка. Именно в те ночи я и почувствовала, что я – на острове. Одна со своим сокровищем. Телефона у нас тогда не было, и ещё много лет его не было, а мобильных вообще в ту пору не существовало. Единственное, что меня связывало с внешним миром – это чьё-то бессонное окно, такое же бессонное, как моё. В доме у канала, на 16-том этаже, под самой крышей светило ночи напролёт чьё-то окно...

* * *

Никогда не забуду первую ночь, как мы вернулись с Антошей из роддома... Очень весёлая была ночка!

Безухов, оказывается, не купил пелёнок! Да, признаюсь: из жуткого суеверия я ничего не подготовила для сыночка заранее. Но Безухов сказал: я всё куплю сам. И маме моей сказал, что купил. Ну, мама на выписку принесла нам комплект пелёнок. И, оказалось, что это – всё!

– А где пелёнки? – спрашиваю, когда приехали домой.

– У меня нет денег на пелёнки.

– Тогда займи у кого-нибудь.

– Но не сейчас же! Завтра займу...

Первая ночь. Холод собачий. Ты всё время мокрый. В доме 15 тепла. Безухов сладко спит под двумя одеялами... Я рву на пелёнки простыни и свои летние хэбэшные платья... Беспре-рывно пеленаю тебя. Тут же стираю. Но ничего не успевает высохнуть. За окном – февраль... Вся кухня опутана верёвками с медленно сохнущими, кажется – совсем не сохнущими пелён-ками... Беру утюг и сушу эти самодельные пелёнки утюгом... А молока у меня почти нет... ты голодный, пьёшь сладкую воду и никак не можешь напиться...

* * *

...Ну, вот он и вывез свои книги, и шкафы, и тапочки, и торшер... Вывоз вещей длился не один день. И каждый день шёл снег...

* * *

Потом он приезжал ещё раз: забыл тут свою папку с чистой бумагой и конвертами.

– Послушай, – говорю, – мне тут письма надо написать, а конвертов нет. Продай мне три конверта.

И протягиваю ему пятнадцать копеек (конверт в то время стоил пять коп.) Он взял пят-надцать копеек и дал мне взамен три конверта.

– И тебе не стыдно? – спрашиваю.

– Что «не стыдно»? – не понял он.

– Не стыдно брать у меня пятнадцать копеек?

– Но ты же сама мне даёшь. Почему я должен отказываться?

– При этом ты не оставляешь ни копейки на сына.

– Но ему ведь не надо пока еду покупать. Ты ведь его своим молоком кормишь. А денег у меня сейчас нет.

Он засунул свою пухлую папку в потрёпанный портфель.

– Кстати, тут ещё мои пластинки оставались...

– Забирай скорее свои пластинки! Скорее, ну! И выметайся из моего дома!

Он торопливо прихватил коробку с пластинками под мышку и пошёл, оставляя за собой грязные мокрые следы... С обиженным видом оглянулся в дверях:

– Могла бы и не кричать напоследок...

Но я уже хлопнула дверью, едва не прищемив ему нос.

* * *

Господи, почему в жизни столько мелких противных подробностей?!

Почему нельзя просто любить своего ребёнка и писать стихи? Почему столько вещей, тянущих к земле?... – с тоской думала я, берясь за половую тряпку, чтобы удалить грязные лужи его следов...

А!.. – вдруг озарило меня. – Наверное, чтобы мы об эти неприятные вещи обтачивали свой характер и своё чувство юмора! (Господи, сколько же грязи в доме от этого Безухова!) И вдруг вспомнилось, что я читала когда-то про птиц, в какой-то научно-познавательной книжке. Птицам, оказывается, чтобы переваривать пищу, надо ещё клевать песок и мелкие камушки. Мелкие камушки и песок внутри птицы – как жернова: помогают пище перемалываться. А без этого пища не усваивается, и птица гибнет...

Может, и человеку зачем-то нужны песок и камушки неприятностей? Чтобы лучше усваивать жизнь...

* * *

Всё просто.

Не будет чёрного – не будет и белого.

Тогда вообще не будет никакого!

Вот так, сынок...

Будем радоваться тому, что мир – разноцветный!

Хотя от этой разноцветности иногда больно – глазам и сердцу...

* * *

Не знаю вот только, как сказать о произошедшем маме?..

Она-то надеялась, что рождение Антона скрепит нашу семью... Бытует среди людей среднего и старшего возраста такой предрассудок: что дети скрепляют семью.

А разве не наоборот?.. Если плохо держалось, то с появлением ребёнка тут же всё и развалится. Потому что ребёнок – это ведь не канцелярская скрепка и не цементирующий материал, не вещество для склеивания гнезда, как слюна у ласточек. Наоборот! Ребёнок – это дополнительное напряжение. Иногда – сверхнапряжение. Мама, специалист по сопромату, рассказывала, что так металлоконструкции испытывают – на сверхнапряжение. Так же испытывается и семья: детским плачем по ночам, заботами и проблемами. Хлипкая семейная конструкция всего этого не выдерживает. Устоит только очень прочная. Изначально прочная.

А некоторые думают: вот рожу ещё одного, ещё одного – и тогда всё скрепится само собой, как по волшебству. Дудки! Не сегодня-завтра всё равно развалится... Я знаю семью, где семеро детей, а всё равно семья развалилась. Так лучше пусть сегодня, чтобы не тянуть эту болтанку. Пусть сегодня – пока сынок маленький, и ничего не понимает, и не страдает...

Я вышла на лоджию и заглянула в голубую коляску – Антоша спал, румяный и безмятежный... С низкого неба сыпался густой влажный снег... Крупные, пушистые снежинки лежали на поднятом верхе коляски, белое на голубом – очень красиво... Спи, сынок, набирайся сил, милое моё солнышко. Всё у нас с тобой будет хорошо... Всё хорошо! *уже*

Но как сказать маме?.. Она ведь в обморок упадёт, у неё сердечный приступ может случиться... Может, скрыть на какое-то время? Ну да, скроешь тут! В доме-то опустело после выноса книжных шкафов и книг...

А вот и мама! Не успел Б. скрыться за дверью, как пришла она.

Оглядывается изумлённо по сторонам. Она не была у нас неделю.

– Ой, что это? У вас перестановка?

– Ну, как сказать... – смеюсь я. Почему-то стало вдруг очень весело. Я даже напеваю что-то. (С той зимы у меня и появилась эта привычка: напевать, когда на душе тяжело. А плакать я почти совсем разучилась).

– Ты такая весёлая! Поёшь! – говорит мама. – А куда... ваш папа ушёл? Он когда вернётся? – осторожно спрашивает она.

– Куда ушёл – понятия не имею. И не интересно мне это. А не вернётся, надеюсь, никогда.

– Это шутка?

– Нет, это не шутка, мама. Разве так шутят? Сегодня последние вещички увёз.

Мама в обморок не упала. Но выражение её лица какое-то странное...

– Не хотела тебе говорить, но всё же скажу, коль всё уже произошло, – говорит она. – Я как раз к дому подходила, когда он вышел из подъезда и пошёл к такси...

– И что?

– В такси сидела женщина.

– И что? Ну, сидела какая-то женщина.

– Да не какая-то. Ты что, не понимаешь? Он подошёл к машине и о чём-то с этой женщиной говорил. Она стекло опустила... отвечала ему что-то. Но я уже зашла в подъезд. К счастью, он меня не заметил, и можно было не здороваться, очень мне этого не хотелось в ту минуту. Я ещё постояла за дверью, посмотрела в щель... Она дверцу ему открыла, он протиснулся внутрь с какой-то коробкой, сел рядом с ней, и они уехали. Это надо же! Приезжала с ним вывозить вещи! А тут младенец, ещё месяца нет...

– Стало быть, не один был? Вот и прекрасно!

– Что? Для тебя это не новость?

– Новость. Но приятная. А так бы я угрызалась: бедненький, ни к чему не приспособленный, куда же он теперь? Но вижу – Безухов не пропадёт. Значит, будет кому стены сверлить и жарить ему курочек, и печатать его статьи на машинке.

– Боже мой, какую страшную ошибку ты совершила в жизни! И я тебя не остановила от этого скоропалительного брака... Какая я несчастная! – мама готовилась заплакать.

– Мама, а то, что ты вышла когда-то за моего отца, тоже было ошибкой?

– Безусловно. Ничего хорошего не получилось из этого, как видишь...

– Мама!

– Что?

– Очнись, мама! И не вздумай плакать. Что значит: ничего хорошего не получилось? А я?.. Если бы ты не вышла за моего отца – не было бы меня.

– А, ну да...

– И разве можно назвать ошибкой моего чудесного мальчика?

– Мальчик, действительно, чудесный, но как ты его будешь растить одна?

– Не одна, а с Божьей помощью.

– Так ты, в самом деле, не огорчена?

– Ничуть, мама! Я счастлива. Я, наконец, освобождаюсь от дурного сна...

* * *

Сыночек, милый, простишь ли ты меня когда-нибудь? За то, что так всё получилось...

* * *

Через несколько дней. Звонок в дверь. Открываю – его сестра Ася.

– Вот, приехала познакомиться со своим первым племянником! А где мой братец?

– Твой братец?.. А разве ты не в курсе?

– В курсе чего?

Пришлось объяснять... (Сколько ещё раз придётся рассказывать эту историю изумлённым слушателям!) Ася, ошеломлённая, потрясённая, провела у нас целый день. Сходила в магазин. Постирала пелёнки. Когда Антончик уснул, посидели с ней на кухне, попили чаю.

– А ребёнок, оказывается, это совсем несложно! – сказала она.

Прощаясь, обнялись по-родственному. Она сказала:

– В любом случае, чтобы там мой братец не натворил ещё в своей жизни, ты – моя сестра, а Антошка – мой племянник. Он прелесть! Надеюсь, появиться у вас на следующей неделе...

Но она не появилась больше никогда.

Вместо этого недели через две пришло от неё письмо. В котором она сообщала мне, что больше не хочет иметь дело с непонятной жизнью её старшего брата, «со всей этой грязью...»

Я разорвала письмо и спустила его в мусоропровод... Спасибо, Ася.

* * *

Нет, нельзя выходить замуж от отчаянья. Или из жалости.

Это – ошибка.

Но Господь – благ. Он всякую нашу ошибку может обернуть нам во благо...

* * *

Теперь мама стала приходить к нам почти каждый день.

По утрам она приносит из детской молочной кухни для Антоши кефирчик в маленьких бутылочках, заткнутых пыльной ваткой. И какую-то еду для меня. Но есть мне совершенно не хочется, у меня стойкое отвращение к еде. Ну, чаю ещё могу попить. Мама уговаривает меня, как маленькую:

– Скажи, что тебе хочется? Я приготовлю.

– Ничего не хочется.

Мама плачет от огорчения:

– По-моему, у тебя какой-то психический сдвиг! Подумай хотя бы о своём ребёнке!

– О ребёнке я думаю. Я только о ребёнке и думаю... Но есть мне всё равно не хочется.

Не могу же я есть через силу!

Мама начинает сердиться:

– Ты же с ног упадёшь! У тебя окончательно пропадёт молоко! Его и так жалкие капли!

По-моему, тебе надо к психиатру, или к психологу, к кому-нибудь!..

Действительно, у меня совсем мало молока, и поэтому приходится подкармливать сыночка кефиром. Он не возражает.

А ещё мой сынок любит чай! Чай он может пить до бесконечности. Чайная душа...

Мы пока сами на молочную кухню не ездим: сильные метели, а там всегда очередь на улице длиннющая...

* * *

Ночь, сижу с тобой за письменным столом у окна...

Ты уснул, убаюканный колыбельной песенкой... Ты так трудно засыпаешь, ты почти не спишь, а ведь ты должен спать много-много, но с этим у нас большая проблема. Ты спишь мало-мало. А сейчас ты задремал, и мне не хочется класть тебя в кроватку. Ты такой тёпленький, уютный, такой родной... Самый родной человек на свете. И столько мне радости от тебя! И света... Как же Господь любит меня, несмотря на все мои ошибки и глупости! Как же Он

добр и щедр, что одарил меня такой радостью. Радостью, которой хватит на всю жизнь... Спасибо тебе, сынок, за то, что ты ЕСТЬ!

В окне – чёрная ночь, глухая тьма, ни луны, ни звёзд, и только далеко, у канала, на шестнадцатом этаже высокой башни, горит одно окно... Чтобы я не чувствовала себя одинокой в этой ночи...

Ты – на сгибе левой руки... в правой руке – ручка, на столе тетрадь – в круге света, который падает от настольной лампы...

И уже привычное ощущение, что мы с тобой – на острове...

* * *

Пришла мама и отпустила меня погулять.

– Ты совсем не бываешь на воздухе! Поэтому у тебя и аппетита нет. Иди, пока Антоша спит.

Я вышла во двор. Первый раз после родов. Как будто с другой планеты прилетела. Так странно всё... Забытые ощущения мягкого снега под ногами... Тихонько добрела до телефонной будки... Звоню отцу Димитрию Дудко.

– Давненько не слышал тебя, Маша! Ну, какие новости? Рассказывай.

– Сына родила.

– Да ну! Сына?! Ну, ты молодец! И как назвала? Антоном? Редкое, красивое имя. Отец, небось, доволен, что сын? Небось, не нарадуется?

– А он с нами больше не живёт.

– Как не живёт?.. – опешил он.

– Ушёл от нас. Когда сыну было двадцать пять дней.

– Ушёл?! Боже ж ты мой! что на свете творится!.. И как же ты теперь? кто тебе помогает?

– Мама.

– Ну слава Богу, что мама есть. А ты можешь сейчас к Речному подъехать?

– Могу.

Мы встретились у метро «Речной вокзал». Отец Димитрий был в длинной чёрной рясе, а поверх рясы – короткое зимнее пальто. И чёрная – колпаком – шапочка. И седая борода. Похож на маленького доброго гнома из сказки. Весь усыпан крупными пушистыми снежинками... Его голубые глаза смотрели на меня сокрушённо.

– Вот какое тебе испытание послано, Маша... Ну, держись! Бог не оставит тебя. Он никого не оставляет...

Он протянул мне конверт:

– Тут сто рублей, возьми. Купи сыну одеяло тёплое. Видишь, зима как затянулась...

– Спасибо большое. Но у Антоши уже есть одеяло. Да и много это на одеяло!

– Ну, тогда что хочешь купи. На твоё усмотрение. А Сергей Романов тебя навещает?

– Я ему ещё не звонила. Никому ещё не звонила. Вы – первый.

– Ну, я сам ему позвоню, скажу, чтобы заглядывал к тебе, помогал, чем может. Ну, иди с Богом. Антон тебя заждался уже, небось.

Он перекрестил меня.

– Храни тебя Господь. И сына твоего.

* * *

Ночь, бессонное окно... Дневник – мой полуночный собеседник...

Прости, Господи, не получилось создать семью с мужчиной. Да, может, и не судьба мне иметь семью с мужчиной? Но я создала семью с Моим Ребёнком.

* * *

Вышли мои стихи в цирковом журнале. Это уже четвёртый раз они меня напечатали. И всё благодаря Юрию Никулину. И опять – замечательные рисунки всё того же неизвестного автора.

Приятно вынимать утром из почтового ящика свежий журнал со своими стихами...

Хороший день сегодня. Главное – сынок не плачет от болей в животике и хорошо спал ночью. И молока у меня сегодня немного побольше – наверное, от хорошего настроения.

Так что сынок сегодня не голоден. Солнышко моё ненаглядное! Есть счастье в жизни.

* * *

Мама говорит:

– Ты раньше всегда такая подавленная была. А теперь – весёлая! Ты что, совсем не переживаешь?

– Совсем! Напротив: облегчение чувствую. Наконец-то я живу СВОЮ жизнь.

– Зачем же ты выходила за него?

– Потому что СУДЬБА. Пришёл, подарил крестик – вот и пошла...

– А если бы другой кто подарил?

– Но ведь никто другой не подарил! Значит, судьба у меня такая: быть мамой и папой для своего сына. Значит, судьба мне растить своего мальчика одной...

Мама собирается заплакать.

– Мама, я – счастлива! Теперь у меня есть смысл жизни. А ты плачешь!

– Ну, прости, прости...

– Разве не надо поблагодарить за это судьбу? Я ведь по своей воле ни за кого бы не пошла. Я ведь о монастыре мечтала... Хотя отец Александр и говорил мне: «Это – не твой путь». Наверное, мой путь – материнство. А как мне на него было вступить? Значит, необходимо было парализовать мою волю – вот это и произошло в тот момент, когда Безухов подарил мне крестик...

– Ты так мудрёно говоришь... – сказала мама.

– Да что ж тут мудрёного? Всё ясно, как белый день. По крайней мере, для меня. Мне пора было стать мамой. А моему сыночку пора было явиться на землю. И всё произошло так, как ДОЛЖНО БЫЛО произойти.

– Выходит, ты не в обиде на...?

– Нет! Он – просто орудие в руках судьбы, вот и всё.

* * *

Приезжал отец Сергей Хохлов. Была как раз мама у нас, она ему открыла, а я в это время кормила Антошку. Отец Сергей заглянул к нам, улыбнулся.

Потом пили чай на кухне, отец Сергей говорит:

– А я думал, когда ты эту квартиру получила, что ты устроишь молодёжную христианскую коммуны. А вот как всё обернулось... Ну, Бог тебе в помощь, расти своего Антошку теперь...

* * *

Конечно, спасибо Фёдору. За эту квартиру.

Хоть и не для меня он её добывал, а для себя, для своего спокойствия. Чтобы я перестала отравлять их личную жизнь своим неуместным присутствием.

Столько лет мы «колотились», по выражению моей бабушки. Мама считала, что я должна жить дома, с ними, а Фёдор так не считал. Я то возвращалась домой по маминой просьбе, то опять убегала, не выдержав очередной психической атаки Фёдора. Ему всё во мне не нравилось. Точнее – бесило. Особенно то, что я крестилась. Он был большим начальником, человеком серьёзным, партийным, а я его компрометировала. Наш телефон стали прослушивать. Я дружила со священниками-диссидентами. Фёдор боялся неприятностей. Он гнал меня из дома, но я опять возвращалась, потому что мама плакала и просила меня вернуться. Он не знал, как от меня избавиться, как сделать так, чтобы я стала отрезанным ломтем, и уже не маячила бы у него перед глазами.

Помог случай. Мы жили в небольшой квартире, а Фёдору, как большому начальнику, полагалось иметь дома рабочий кабинет. Он стоял в очереди на расширение жилплощади.

И когда эта очередь подошла, он пришёл в ужас, что в эту квартиру мы переедем все вместе. И я вместе с ними! И наш ад вместе с нами...

И тогда они с мамой приняли спасительное для нас всех решение: лучше они не будут переезжать в большую квартиру, а получают в дополнение к той, что уже имела, – маленькую, однокомнатную. И отселят меня с глаз долой!

Так и было сделано. И я перестала по вечерам названивать друзьям, в поисках ночлега, или ездить на Курский вокзал, когда звонить кому-то уже не было сил...

Так у меня появился МОЙ ДОМ. О, это волшебное словосочетание!.. И мой дом освятили четыре священника одновременно – мои добрые друзья: отец Александр Мень, отец Димитрий Дудко, отец Сергей Хохлов и отец Кирилл Чернецкий. Четыре друга. Но они давно не виделись. И вот, я решила устроить им нечаянную радость – неожиданную встречу. Позвала каждого из них освятить мой дом. И они пришли. Все четверо! И такая радость была для всех! А отец Сергей привёл ещё с собой дьякона.

О, как они все пели! Пять могучих голосов... Как они горячо молились за мой дом, за то, чтобы жизнь в этом доме была настоящей и счастливой...

И вот она настала – настоящая и счастливая жизнь: ты – на сгибе моей руки, в другой руке – перо, а где-то у канала горит бессонное окно, как икона, – чтобы я не чувствовала себя одинокой в этой ночи. Да о каком одиночестве может идти речь? Когда на моих руках – сынок, а в сердце – Бог.

* * *

Горящее во тьме бессонное окно...

Из ночи в ночь оно посылает мне сигналы: ты не одна в этой ночи!

Спасибо тебе, окно!

Спасибо Тебе, Господь, за это окно!

* * *

А потом мама пошла на работу. Она ведь была в ту пору ещё молодой бабушкой – всего только сорок девять лет.

Но за первые Антошины месяцы, когда мама приходила к нам почти каждый день, и помогала мне, – великое ей спасибо!

Пожалуй, в нашей с ней жизни это были лучшие месяцы... Ведь каждый день был озарён Антошей, которого мы обе очень любили. И – ничего и никого, кроме Антоши – тогда в нашей жизни не было. Только радость от нашего сказочного мальчика, нашего улыбчивого ангела, нашего загадочного пришельца из вечности...

* * *

Итак, мама вышла на работу. А мы с сыночком быстро научились сами ездить на молочную кухню с утра пораньше.

Но если была сильная непогода, то я оставляла тебя, спящего, в коляске на лоджии. У нас удобная лоджия – с аркой в стене – проход к соседям. Если ты заплачешь, бывало, то тут же прибегали к тебе наши соседи. Молодые ребята, у них у самих годовалая дочка.

Возвращаюсь, а Саша или Таня укачивают тебя. Спасибо им!

* * *

Теперь мы целыми неделями с сыночком вдвоём. И ощущение того, что мы с ним на острове, усилилось...

Был бы у нас телефон, можно было бы посылать сигналы в большой мир, на большую землю...

А так – можно посылать сигналы только Вверх...

Но может, это и к лучшему?.. Ничто и никто не отвлекает меня от тебя: от постижения огромной вселенной, заключённой в тебе, мой мальчик, мой любимый сынок...

* * *

И всё же до нашего острова иногда доплывает кое-кто из друзей.

Чаще всего – Серёжа Романов.

Когда-то нас познакомил отец Димитрий Дудко. Сказал: «Вы соседи. И фамилия у вас почти одинаковая. Вот и дружите!»

Вот и дружим.

* * *

А как-то вечером к нам приехал Яша Кротов, младший брат Гавра.

Гавр познакомил нас летом семьдесят второго года. Они пришли тогда вдвоём в «Мос-концерт», где я в то время работала. Гавр обожает младшего брата. У него есть ещё один брат, но я его пока не видела, и поэтому Лёня Кротов для меня – мифическая личность.

А Яша летом семьдесят второго года был ещё Максимом, ему было пятнадцать лет, и он был увлечён археологией. Это был худенький, темноглазый мальчик, страшно серьёзный. Эти Кротовы – все страшно умные и страшно серьёзные! И при этом они все ироничные, насмешливые. С ними даже страшно общаться. Как посмотрят своими чисто кротовскими глазами... – не знаешь, что и сказать.

Их мама летом семьдесят второго тоже смотрела на меня очень строго, она, наверное, думала, что я буду сражаться за Гавра, пытаться увести его от семьи. Она ошибалась. Никогда, никого и ни от кого я не пыталась увести. Нет у меня таких наклонностей.

А потом – ведь существует судьба: где-то написано на небесах то, что должно случиться. И не надо пытаться подсказать судьбе. Она сама разберётся и решит: кому от кого уходить, а кому – нет. Вот и Безухову она подсказала. И ушёл он от нас без моей помощи и без оглядки. И, слава Богу, что ушёл.

А Яша так возмущался Безуховым! Смотрел на Антошку, весело дрыгающего ногами, такого славного, глазастого, и не понимал, как от такого можно уйти...

– А ты не рано на него ползунки надела? – строго спросил он. – Я полагаю, что в таком возрасте младенец ещё должен лежать спелёнутый...

– Как куколка бабочки? Но мой сын любит свободу! В пелёнках ему тесно. Вот и надела ползунки.

* * *

Через несколько дней от Яши пришла почтовая открытка. Он сообщал мне, что по поводу ползунков проконсультировался со своей мамой. И мама сказала, что младенец до трёхмесячного возраста должен лежать в пелёнках.

Я была, конечно, тронута таким вниманием семейства Кротовых к нашей (несуществующей) проблеме. Но я очень смеялась над этим строгим и безапелляционным «должен лежать в пелёнках».

Младенец никому ничего не должен! И если младенец требует свободы, то ему нужно эту свободу предоставить. В полном объёме! Вот и всё. Так мне подсказывало моё сердце: для ребёнка всё хорошо и полезно, что не опасно. А реальных опасностей в жизни не так уж много.

Я не читала к тому времени ни одной книги по воспитанию младенцев (таких книг просто не было тогда в нашей стране), так что воспитывала тебя чисто по интуиции.

Ведь это просто: представь себя на месте ребёнка – и сразу поймёшь, в чём он нуждается. Ведь это так просто! Ребёнок сам тебе подсказывает, что ему хорошо, а что плохо. Нужны только моя любовь и моё внимание, чтобы это понять. И никакая самая замечательная книга (и ничей чужой опыт) не смогли бы меня научить так хорошо, как это сделал ты, мой маленький сынок. Очень скоро, буквально в первые месяцы твоей жизни я пришла к убеждению: чтобы не вырастить из ребёнка послушную куклу, раба, – ребёнку нужно предоставить свободу!

Но ребёнка нужно учить пользоваться этой свободой... А чтобы овладеть этой наукой, у нас есть Вечная Книга. В ней – все ответы.

* * *

Серёжа Романов живёт близко, он то и дело забегает к нам. Спасибо ему!

Без всякой моей просьбы привёз огромный короб бумажных подгузников. Это было очень кстати, потому что надвигалась сессия, а у меня уйма времени уходила на стирку. И денег не взял за этот короб, замахал на меня руками...

Как-то Серёжа пришёл со своей женой Надей – чтобы она поделилась со мной своим опытом – выращивания ребёнка без бабушек и нянь. Надя ужаснулась, застав меня с утюгом в руках:

– Ты что, гладишь?! Я с рождением Дениса вообще забыла про утюг. Бросай! Сразу высвободиться много времени и сил!

* * *

В другой раз Серёжа пришёл с Ирой и Лёшей. Мы все в какой-то степени родственники, потому что Ирина-Лёшина дочка Лиза – наша с Серёжей крестница. Ей уже второй год пошёл, ребята мечтают о втором ребёнке. Точнее – они его уже ждут. А мечтают, чтобы детишек у них было штук шесть, семь... восемь! Сколько Бог даст.

* * *

Лёша через несколько дней привёз нам хорошего врача – милую пожилую женщину. Это был платный врач, но Лёша сказал, чтобы я о деньгах не думала, что он уже оплатил её визит.

Доктор определила у Антона сильное отставание в весе. И велела мне немедленно вводить прикорм – гречневую молочную кашу.

– А не рано? – изумилась я.

– Это – экстренные меры. Вашему ребёнку необходимо набирать в весе, расти и развиваться, а на ваших двух каплях молока это невозможно. Никакую другую кашу я вам пока не назначаю. Но гречневую – можно!

Гречневая эпоха началась в два с половиной месяца...

* * *

Великим постом открытка от Яши Кротова: такого-то числа к тебе приедет отец Александр.

* * *

...Он вошёл – большой, шумный, – как будто горячий ветер ворвался вместе с ним в наш тихий дом. Воздух вокруг него сразу стал горячий, пространство словно закипало вокруг него – такая колоссальная энергия была заключена в этом человеке.

– Ну, где? Где сын? Показывай! – сказал он и широкими шагами вошёл в комнату.

Остановился у кровати Антона, Антон не спал. Они внимательно и с интересом смотрели друг на друга. Отец Александр негромко помолился и нежно благословил моего мальчика, погладил его по каштановой головке своей большой, тёплой рукой. И сказал с улыбкой:

– Прекрасный младенец! Очень он тебе удался, Маша! Вот теперь у тебя радость и смысл жизни! Помнишь, ты меня спрашивала: какой в этом во всём смысл? Теперь чувствуешь его?

– Ещё как!

– Ну, и слава Богу! Слава Богу за всё. Давай помолимся вместе...

Я так любила эти его слова: «Давай помолимся вместе».

Мы стали рядом перед иконами Спасителя и Богородицы. (Его подарок!) Помолились. Он исповедовал меня и причастил.

Потом я кормила его обедом, был Великий Пост, и я приготовила для него рыбу с картошкой. Он говорил:

– Нравится мне у тебя. Хорошо тут. Помнишь, как мы вчетвером освящали твой дом?

– Как не помнить?

– А ложку мне дашь?

– Ложку? Так вот же вилка, – сказала я.

На что он засмеялся:

– А я вилками не пользуюсь, ем только ложкой – так удобнее и быстрее. Некогда, знаешь ли, ковыряться вилкой. Так что давай лучше ложку!

Прощаясь, сказал:

– Береги сына.

– Это – моя главная забота.

– Вот тебе денег немного. Купи Антону, что найдёшь нужным. Я уж не стал сам ничего придумывать.

– Ой, может, не надо?

– Бери. И если будут с этим проблемы, дай знать.

– Спасибо вам огромное за всё!

– Не переживай, со здоровьем у Антона всё наладится. И в весе начнёт прибавлять, и спать научится. Бог – благ. Ну, храни вас Господь!

Он благословил меня. Я вышла проводить его к лифту.

Потом стояла на лоджии и смотрела, как он уходит... мой любимый, драгоценный батюшка...

* * *

Денег, подаренных двумя батюшками, хватило нам с Антошей больше, чем на полгода.

С моей способностью жить экономно.

* * *

Перед Пасхой получила от отца Александра открытку – «Красная земля» Николая Рериха.

На открытке изображены молодая мать с маленьким ребёнком, мальчиком. И она ведёт его по красной, горячей, таинственной и волшебной планете...

Удивительно неразборчивый у моего батюшки почерк! Как у инопланетянина. В жизни не видела таких почерков! Не буквы – а клинопись какая-то... Как будто пишет и шифрует одновременно. Я помучилась, пока разобрала несколько строк на открытке. Но как радостно было их разбирать!..

* * *

Пасха. Первый солнечный день за эту весну!

Заехали Яша Кротов со своей невестой Ирочкой.

Яша говорит:

– Отец Александр попросил от его имени купить Антону подарок. Вот, мы с Ирочкой подумали и решили, что это будет как раз то, что нужно...

И он извлёк из портфеля... двух клоунов! Петрушку и Шута с бубенцами... Наверное, ребята решили, что мой сынок будет, как и я, любить цирк и клоунов.

(Эти два клоуна живы и сейчас, спустя тридцать лет. Сначала ими играл сынок, а потом дочка. И хотя Антон остался равнодушен к цирку, но вот для Ксюши это была целая эпоха в жизни, когда она себя осознавала клоуном! С Петрушкой она спала в обнимку... А Шут с бубенчиками на колпаке через много лет участвовал в нашем спектакле, который мы играли вместе с Ксюшей. Спектакль, посвящённый памяти Леонида Енгибарова. Но до этого ещё – целая жизнь!..)

Яша сказал, что вернулся из заключения Гавриил Яковлевич – его и Гавра отец. Отсидел в мордовских лагерях семнадцать с половиной лет... Умеет же наше государство прятать лучших своих людей далеко и надолго! Но и за колючей проволокой он оставался отцом своих трёх сыновей. И оттуда, из-за колючей проволоки, он слал сыновьям самодельные книжки: сочинял для них сказки, рисовал картинки, писал мелким почерком длинные-предлинные письма – о своей жизни, о том, что ему дорого, и как он понимает смысл жизни (Гавр показывал мне эти письма). Гавриил Яковлевич Кротов был прирождённым педагогом, вроде Макаренко или Сухомлинского, любил работать в детских домах, с трудными детьми, с сиротами.

Ну, конечно же, такого человека надо было спрятать куда подальше! Ведь он из своих воспитанников растил думающих людей! А для того государства, в котором мы тогда все жили, это было опасно.

Из своих сыновей он тоже вырастил мыслящих людей – колючая проволока оказалась тому не помехой! И вот он вернулся... Яше скоро девятнадцать лет – а последний раз отец его видел, когда ему было девять месяцев.

Гавр купил для отца домик в глухой деревне, в Калужской области. Поселиться в Москве, с семьёй, старому и больному человеку не разрешили. Выходит, власти боялись его до сих пор?.. Да, старого и больного, но не сломленного духом. Такие люди не ломаются. Пройдя гражданскую войну (в Средней Азии ловил басмачей), а потом всю Отечественную, а потом войну с японцами, а потом тюрьмы и лагеря... Такая жизнь или ломает в самом начале, или превращает человека в стойка. Старший Кротов оказался стойком.

* * *

Поехали провожать Яшу с Ирой к метро. Везла сыночка в голубой коляске по Берёзовой аллее, пронизанной солнцем... Воистину пасхальный день сегодня!

На обратном пути присела на скамью и записала стихотворение (ручка и блокнот всегда при мне).

* * *

Подъезжаем к дому – а тут Пресманы нас ждут! Нет, не такой уж наш остров безлюдный!

Пресманы привезли букетик гиацинтов и яблочный пирог, испечённый Антониной Самуиловой.

Пили чай с пирогом. Антон сидел у меня на коленях, распахнув свои каре-зелёные глазки. В них такая глубина, что голова кружится, когда долго смотришь...

Александр Самойлович сказал: «Космическое дитя!...»

* * *

А Каптеревы всё никак не доедут до нас...

Людмила Фёдоровна болеет, ездит на Каширку, в онкологический центр, на облучения...

Господи, помоги моей крёстной! Господи, пусть она выздоровеет, я так люблю её! Я так нуждаюсь в её присутствии на земле!...

* * *

Ночь... Привет тебе, бессонное окно!

Скоро моему сыночку три месяца.

Это – уже третья «Антошина тетрадка».

* * *

Приезжала Марьяна со своим мужем (противником детей). На Антошины три месяца.

Антон им очень понравился. Они подарили ему шикарную импортную соску. Потому что отечественную он отплевывал!

Потом Марьяна скажет обо мне другой моей подружке, Тане Неструевой: «И что она может дать ребёнку? Если она даже шубку купить ему не может!» (При чём тут шубка? – изумилась я.)

Что я тебе могу дать, мой родной? Своё сердце, свою любовь, всю свою жизнь... Разве этого мало?

* * *

Первая прогулка в лес – к пахучим соснам, к шуршащим беличьим хвостам, к плотной, коричневой хвое под ногами... Смотри, сынок, дыши, сынок, слушай, сынок! Это всё – твоё. Твой лес. Люби его.

...А помнишь, сынок, как мы прожили прошлую осень в Новой Деревне? До самого снега, до Покрова, и дальше... Слышал ли ты (будучи ещё во мне), как падают по ночам яблоки?..

как шумит лес?.. как стучит дождь по крыше?.. Чувствовал ли запахи осеннего леса? Влажные, острые, грибные, еловые, заячьи...

Иногда мы гуляли в лесу с Еленой Семёновной, мамой отца Александра, из москвичей только она и я жили ещё тут и не спешили в город.

– Вам не нужно ходить в лес одной, скользко, не дай Бог поскользнётесь, – говорила она мне.

А было действительно влажно и мокро на дорожке, скользкие мокрые листья под ногами...

Но иногда я всё же уходила в лес одна. Порой мне хотелось погулять с тобой, только с тобой, поболтать о том, о сём... показать тебе грибы и шишки, и капли на паутине... и жёлтый берёзовый листочек, прилипший к паутине... и ковры хвои, делающие шаги совершенно неслышными... Видишь, сынок? Слышишь, сынок?..

Тогда и родились эти строчки, как начало длинного стихотворения, которое должна дописать сама жизнь:

А в среду, субботу и воскресенье была, как обычно, служба в храме.

Каждое воскресенье я исповедовалась и причащалась.

По средам никого не было из москвичей, бабушки после службы расходились по домам, Елена Семёновна тоже иногда шла к себе, а мы с отцом Александром заходили в прицерковный домик, в трапезную, Маруся подавала чай, не позволяла мне хозяйничать, мы садились с отцом Александром за длинный стол: он – во главе стола, под иконой, я – напротив окна. По воскресеньям за этим столом после службы помещалось человек двадцать, даже больше... А сейчас мы пили чай вдвоём. Иногда он просил Марусю приготовить ему суп из пакета, он был непривередлив, ел самую простецкую еду, запрещал Марусе готовить что-то сложное, требующее много времени и сил.

Он спрашивал, как я себя чувствую. Его волновало, что у меня часто болит голова, и перед глазами плавают чёрные мушки. Он говорил, что это от повышенного давления, и давал разные советы. В частности, советовал есть сырую свёклу, говорил, что это снижает давление. Мне было непривычно, но я последовала его совету, и вскоре чёрные мушки пропали. Он говорил, чтобы я не переохлаждалась, чтобы потеплее одевалась и берегла себя. Он был заботлив, как отец родной. Наверное, мой папа, если бы был жив, говорил бы мне такие же слова. Ещё он спрашивал, хорошо ли топит хозяйка и не холодно ли в доме, где я живу, потому что осень была холодная, с ранним снегом... Ещё спрашивал, нет ли у меня проблем с деньгами, и просил, если проблемы возникнут, тут же сказать ему, не стесняясь.

Безухов опять уехал за границу, на этот раз в Румынию. Он давно запланировал и не собирался отменять что-то. За комнату в избе он заплатил за два месяца, за сентябрь и октябрь, оставил мне немного денег и отбыл. Я покупала у хозяйки картошку и яблоки, это стоило дешево, особенно яблоки, их уродилось очень много в том году, и Анна Фёдоровна вообще не хотела брать за них деньги, но я всё же настаивала: не могла же я быть у неё нахлебницей. Баба Аня была крепкая старуха, хотя ей уже было восемьдесят лет. Она не разрешала мне носить воду от колонки, ну разве что полведра. За хлебом я ходила в деревенский магазин. А больше ни в чём не нуждалась. О Безухове старалась не думать. Было ясно, что долго это не протянется – наша так называемая «семейная» жизнь.

Я гуляла по лесу и старалась думать только о сыне...

Когда я видела, как Елена Семёновна исповедуется отцу Александру, я думала, что мой мальчик тоже, может быть, станет священником, и я буду ходить к нему на исповедь...

...А иногда мы сидели с отцом Александром за столом, пили чай и молчали. Это было так хорошо – молчать, не произносить слов, когда общение происходило помимо слов, поверх слов. Он изредка посматривал на меня, усмехался тепло, сказал однажды: «Тебе идёт береженность, ты стала мягче». О Безухове мы не говорили. Наверное, отец Александр предвидел,

чем всё разрешится, (да и трудно это было не предвидеть), но он не считал уместным сейчас об этом говорить со мной. Разговоры на эту болезненную тему могли помешать той важной работе, которую я сейчас совершала. Я вынашивала сына. И мне нельзя было волноваться.

...А по вечерам мы с Еленой Семёновной ходили друг к другу в гости. Каждый вечер. Или я шла к ней по дорожке, засыпанной листвой, или она ко мне. Она к моему приходу готовила ужин – варила картошку. (И я точно так же: ежедневная деревенская еда). За ужином и долгим чаем она рассказывала мне об Алике (так она называла отца Александра) – о своём любимом старшем сыне. Рассказывала о его детстве, рассказывала о том, как она, втайне от своего мужа, крестилась сама и крестила обоих сыновей – Алика и Павлика. Как много лет они были членами катакомбной церкви. Как во время войны жили в Загорске – под покровом Сергия Радонежского...

Ещё она показывала детские рисунки Алика, его стихи, его детские и юношеские фотографии... Всё это она возила постоянно с собой: летом – на дачу в Новую Деревню, а зимой – обратно в Москву. Она никогда не расставалась со своими драгоценностями. Она была невысокого роста, стройная, лёгкая, с изумительно синими глазами и густыми, волнистыми серебряными волосами, собранными сзади в пучок. Она понимала, что её сын знаменит и даже велик, но не было в ней от этого ни капельки гордыни. Елена Семёновна для меня была примером истинной христианки. Такая светлая, просто светящаяся... У неё была изумительная улыбка – открытая, радостная, немного детская.

Елена Семёновна была очень деликатной: не задавала лишних вопросов, не осыпала советами. Умела внимательно слушать. Умела искренне восхищаться людьми. Мне было удивительно услышать от неё такие слова: «Вы ещё совсем молоденькая, а уже такая мудрая, я в вашем возрасте была до смешного наивная». Это я-то мудрая?! Я – которая наломала столько дров? Которая так нелепо вышла замуж?..

– Главное – вы не держите зла на него. В этом и заключается мудрость, – сказала она.

– Стараюсь не держать. Мне не до него сейчас. Ведь у меня есть мой мальчик, мой Антоний! Я без конца с ним разговариваю... Всё ему рассказываю – о том, что вижу... о чём думаю...

– А вы уверены, что будет сын?

– Абсолютно!

– Я тоже знала, когда ждала Алика, что будет сын. А во второй раз ждала дочку, а родился опять мальчик! Врачи говорят: «Радуйтесь, мамочка, у вас мальчик», – а я реву от обиды... Очень обидно было. Потом вину перед Павликом чувствовала, что так встретила его приход. Я же и говорю: глупая была. Не понимала, что нельзя обижаться на Божьи подарки...

Ещё Елена Семёновна возила с собой рукопись своей двоюродной сестры Верочки. Она очень любила Верочку и всю жизнь была с ней дружна. Елена Семёновна дала мне прочесть эту рукопись. Несколько дней я читала её и была в сильном потрясении. Это была книга-исповедь, книга о том, как человек пришёл к Богу в самые безбожные времена, это был рассказ о катакомбной церкви – о церкви чистой, истинной, которая, оказывается, была жива всегда, и действовала на своём поприще, не опуская рук...

* * *

Весна со снегом... Каждый день снег! Весь март – снег... снег... снег...

Начался апрель – и опять снег!.. Только на Пасху было солнышко.

Сынок совсем плохо сосёт. Из-за этого у меня возникли проблемы, и, причём, серьёзные. Несколько дней пыталась справиться с ними сама. Но потом подскочила температура, всю ночь лихорадило... Пришлось идти в поликлинику, оставив Антошу на попечении Маришки.

– Тут без операции не обойтись, – сказала строгая тётчка-хирург. – Такие вещи разве можно запускать?! К нам тут недавно одна пришла, так уж поздно было...

– В каком смысле «поздно»?

– А в таком! В больницу пришлось её отправлять, а на второй день она там померла. А ребёнку всего семь месяцев!..

– Как умерла?! Разве от этого умирают?!

– А ты думала, это – шуточки? Умирают, милая, умирают... А ты чего так долго не шла? Самолечением, небось, занималась?

– Алоэ прикладывала...

– Алоэ!.. (она смачно выругалась). – Ты что, не сцеживалась совсем?

– Сцеживалась... да и молока почти нет. Непонятно, как такое получилось...

Обезболивающий укол практически не подействовал, я всё чувствовала и скрипела зубами, чтобы не стонать.

– Уникальный случай! Чтобы обезболивание совершенно не подействовало! Ты что, наркоманка? – строго спросила тётчка-хирург. – Почему тебя укол не берёт?!

– Просто я от природы такая... чувствительная.

– Сколько ребёнку-то? Три месяца? Тебе, мамочка, нервы лечить надо! А кормление твоё кончилось.

Шла домой и ревела. И шёл снег...

Светлая седмица. С метелями...

* * *

Каждый день – снег...

Хожу на болезненные перевязки.

У Антоши уже две недели кашель. Уколы пенициллина не помогли.

* * *

Приехала моя подруга Оля Тишлер. Поглядела на нас...

– Повезёшь Антона на рентген к моей маме?

– Повезу.

– Только это далеко, на Сиреневом бульваре.

– Возьму такси.

Два месяца назад Олина мама, Элла Яковлевна, уже устраивала нам консультацию у своей студенческой подруги – профессора Дещёкиной, Марии Фёдоровны, специалиста по родовым травмам. Мария Фёдоровна сказала мне тогда: «Вы ещё хорошо отделались. Могло быть и совсем плохо».

А теперь я везла Антона к Элле Яковлевне, она – детский рентгенолог.

...Сделали рентген. Собралась полная комната врачей: все рассматривали Антошины снимки...

Нет, воспаления лёгких не обнаружено. Отчего кашель? Скорее всего – аллергический. «хвост» после ОРЗ. Но обнаружено другое – сильно увеличенная вилочковая железа в лёгких. Я впервые тогда услышала об этой железе. А оказалось, это очень важная железа. Она заведует иммунитетом! К рождению ребёнка она должна уменьшаться и начинать вырабатывать иммунитет. Если же она остаётся увеличенной, то она работает плохо и иммунитет не вырабатывает. Ну, или вырабатывает, но очень слабо.

– И как же мой ребёнок теперь без иммунитета?.. Это что, на всю жизнь так?!

– Ничего заранее сказать нельзя. Всё очень индивидуально. Будем надеяться, что железа с возрастом начнёт уменьшаться и постепенно включится в работу... А пока...

Меня заверили, что мой ребёнок будет часто болеть. Болеть будет долго и трудно. С осложнениями. Неизбежны аллергические «хвосты» после простуд. Чтобы я была готова к этому. В детский коллектив – ни в коем случае! Менять климат – Боже упаси! В общественном транспорте не возить. По гостям не ходить. У себя гостей тоже как можно реже принимать. По паркам и скверам лучше не гулять, потому что такие дети, все как один, аллергики. Можно и астму нагулять...

– Вы на каком этаже живёте? – спросили меня.

– На тринадцатом.

– Балкон есть?

– Есть.

– Вот и прекрасно! Наш вам совет: лучше всего – держите своего ребёнка дома. Лучше бы – в скафандре! Слышали об американском мальчике?

– Нет.

И мне рассказали о мальчике, который родился недавно в Америке. Совсем без иммунитета! Так его держат в специальном скафандре.

– Какой кошмар!.. – сказала я.

– А что делать?

Элла Яковлевна провожала меня до выхода из больницы и, как могла, утешала:

– Будем надеяться, что Антон перерастёт, и всё с ним будет нормально.

– А пока перерастёт?..

– А пока вам будет трудно. И ты должна это знать. По-моему, всё-таки лучше знать, чем жить в неведение.

– Конечно. Лучше знать.

* * *

Приезжали Каптеревы!

Антоша сидел в высоком стульчике за общим столом и с интересом изучал гостей.

– Какого прекрасного племянника ты мне родила! – сказал Валерий Всеволодович.

– А мне – внука! – засмеялась Людмила Фёдоровна.

Ну, вот, мы опять вместе. Есть счастье в жизни!

– И как рожать таких богатырей? трудно? – спросила Людмила Фёдоровна.

– Не легко...

* * *

Бессонное окно...

Я никому не рассказывала, никому – про то, как на самом деле это было...

Девчонка, медсестра, бросила тогда с издёвкой: «Ишь, писательница! Ну, напиши, напиши потом, как ты рожала!» Но как об этом напишешь? Нет таких слов, чтобы могли передать то, что было. Раздирающая, как гигантские, раскалённые щипцы, боль – и ясное, всё фиксирующее сознание. Хотя «веселящий газ» должен был его помутить, но – не вышло. Не так, оказывается, легко помутить мои мозги...

Господи, а умирать, оказывается, совсем не страшно, – проносится мысль. Такая лёгкая, светлая мысль – как дуновение ветерка в жару. Господи, так вот зачем надо страдать перед смертью – чтобы не страшно было умирать... Чтобы хотелось умереть! Чтобы смерть казалась желанной избавительницей, спасением от мук... так вот зачем.

Страшно только за сыночка. Как же он будет без меня?..

А потом боль кончилась, её как будто выключили – и вот я стою у изголовья своей кровати и спокойно думаю: «А я, оказывается, не дышу...» И такое освобождение... такая лёгкость...

* * *

У нас в гостях Неструева, моя подруга, у которой я в периоды бездомья часто подолгу жила. Она меня называет: «папа Рома и мама Нушка в одном лице».

– А ты на самом деле пережила клиническую смерть? – спрашивает она. – А это страшно?

– Нет, это не страшно... Точнее – за себя не страшно. Страшно было за Антона. Боялась, что я уйду – и он останется сиротой. Это было бы предательством с моей стороны. А его увести за собой не могла. Не имела права. Чувствовала, что ему надо быть на земле... Но его папаша, если бы меня не стало, не стал бы заниматься его воспитанием...

Неструева:

– А сам-то появляется?

– Нет, конечно. Ему не до этого сейчас. Там – в другом месте – у него родилась дочь. Она не на много младше Антона. Так что моей вины в том, что всё так быстро распалось, не вижу. Просто человек блуждал по жизни в поисках уютного для себя места. И в этих блужданиях оставлял тут и там детей... Наверное, теперь-то нашёл то, что искал. Пора бы уж... Как говорится, желаю счастья! Представляешь, когда Антоше было полгода, однажды пришёл человек. С его работы. Говорит:

– Вот путёвка для ваших детей в лагерь – как многодетной матери.

– Что?..

– Ну, для ваших девочек.

А у Безухова в юности родились две девочки-близняшки – это было в начале его поиска.

– Так вот, – говорит, – вам путёвка. А отца семейства дома нет?

– Его нет уже полгода. И девочек-близняшек у меня никогда не было.

Он прямо головой замотал:

– То есть, как, – говорит, – не было? Мы, – говорит, – с вашим мужем только сегодня утром говорили, я его о детях расспрашивал, и он сказал: всё замечательно, и дочки, и сын. Я ещё сказал: «Героическая у тебя жена, с тремя справляется!» Он улыбнулся, довольный. Я подумал: повезло человеку, сейчас редкая женщина решается на третьего, а большая семья – это так здорово!

– Может быть, – говорю. – Но нам нравится наша маленькая семья.

Он стоял, всё не уходил, «переваривал» услышанное.

– Какой славный мальчуган! – говорит. – На вас, между прочим, похож.

– Да, – говорю, – мальчики обычно похожи на матерей.

Пытался мне деньги какие-то всучить. Я не взяла. Странно это – брать у постороннего человека деньги.

– Ну, и дура, – говорит Неструева. – Дают – бери!

– Да ну, унижительно это как-то... Одно дело, когда мне отец Димитрий денежку дал, говорит: купи сыну одеяло тёплое. Или вот отец Александр тоже денег оставил, хоть я и отнекивалась сначала. Но он сказал: «Это от всего нашего прихода, так что бери». А тот человек говорит:

– Хотя он и мой коллега по работе, а вы мне никто, но я возмущён до глубины души. У меня, можно сказать, из-за этой истории вообще представление о людях поменялось на сто восемьдесят градусов! Я думал раньше, что детей бросают прожжённые негодяи, алкаши. А тут без пяти минут доктор наук! И с виду – приличный человек... Как вы прикажете это понимать?

– Этот вопрос – мне, или он риторический?

– Видимо, риторический...

Я засмеялась.

– А про клиническую смерть так и не рассказала, – напомнила Неструева. – Уходишь от ответа. Говори честно: тоннель видела?

– Говорю честно: тоннеля не видела. Некогда мне было по тоннелям разгуливать! А себя видела, это правда. Стояла у изголовья кровати и видела, что я уже не дышу. Выхлебала весь баллон веселящего газа. Представляешь, на меня надели маску, сказали «дыши!» – и ушли. Забыли обо мне. А я не знала, что это такое, не знала, что дышать нужно по чуть-чуть. Думала: наверное, кислород. Дышала... долго. Потом смотрю: резинка наверху баллона не подымается... «А ведь я не дышу!» – думаю я. Отчётливо так. И страха за себя нет совершенно. Только за Антона. Никого в палате. Стою в изголовье кровати и смотрю то на баллон, то на себя, бездыханную... Тут в палату зашла старая нянечка, глянула на меня, да как закричит: «Она не дышит! Она не дышит!» Эта нянечка меня и спасла. Нас с Антошей. Тут врачи набегали толпой, стали орать друг на друга, стали напяливать на меня уже другую маску – теперь уже

с кислородом, кто-то прослушивал ребёнка и кричал: «Сердцебиение не прослушивается!» «У матери тоже!» Тётка здоровая, пудовая, изо всей силы навалилась на мою грудную клетку... стала массировать... называется: непрямой массаж сердца... Я сначала ничего не чувствовала, только с ужасом смотрела на неё... Но вдруг... почувствовала боль от её здоровенных ручищ, открыла глаза и сказала: «Вы мне все рёбра переломаете!» Она в ужасе отшатнулась от меня, как от ожившего покойника. Впрочем, я таковым и являлась. «Ты гляди, у неё ещё претензии!» – рыкнула на меня. А молоденькая медсестра съязвила: «Ишь, студентка Литинститута! Писательница! Давай, давай, напиши потом, как рожала!» Извини, что ругаюсь, но сволочи они. Ребёнок был крупный, головастый, а у меня узко всё. И анемия, истощение. Сил не было рожать. К тому же, ещё в детстве случилась поломка – там, внутри. На велосипеде каталась, и грузовик меня сбил. Сильно ударилась о седло, а седло было твердокаменное, ведь это был гоночный велосипед... Ну, и сломалось что-то внутри. Потом в эту сломанную кость Антошка упёрся лбом – и полтора суток никак! Меня, пока по больницам валялась, предупреждали: сама не родишь, только с кесаревым. А эти инквизиторы: «Ишь, кесарева в двадцать пять лет захотела! Давай, рожай сама! И нечего так орать! Вот тебе, дыши!»

Впрочем, это уже на второй день было. А весь первый день, и ночь... Я-то думала, мне сразу кесарево сделают, ведь воды отошли ещё дома... И «скорая» меня везла с завыванием сирены – скорее, скорее! А тут кинули на койку и забыли. Никакого кесарева – рожай сама! Ишь, какая изнеженная, лёгкой жизни захотела!

– И как же ты?..

– Ну, вытащили его... с трудом. Врачи-мучители.

Потом мне объяснили: насчёт кесарева муж должен был заранее договориться и заплатить. Но Безухову было на нас наплевать – у него в это время была бурная личная жизнь. Марьяна встретила его случайно на улице как раз в тот день. Спрашивает: «Ну, как там Маша?» – «Нормально», говорит. – «А когда ей рожать?» – «Да вот вчера в роддом отвёз». – «Так она, может, уже родила?!» – «Может, и родила. Я ещё не звонил». Так что ему было не до нас...

– Гад! – сказала Неструева и добавила словечко поострее, как она это умела.

– Говорят: в Америке рожают с обезболивающими, и даже под наркозом, во сне, уснула – проснулась – а рядом с тобой твой детёныш улыбается... Не знаю, правда ли. Ещё читала статью, что провели в той же Америке исследование, и с удивлением обнаружили: дети после лёгких родов – туповатые и ленивые, а после тяжёлых, экстремальных родов – сплошь талантливые, неординарные. Опять же не знаю: верить или нет этим сказкам? Даже если это так, то всё равно жалко, когда детёныш в самом начале жизненного пути так мучается, через такие страдания проходит... Уверена, и в нормальных, человеческих условиях, и без баллона веселящего газа может родиться гений.

– Неужели за детей нужно так страшно платить?

– Нам, женщинам, может, и нужно: чтобы от всей предыдущей жизни очиститься. Обелиться в муках... Но ему-то, ангелу чистому, за что это всё? Извлекли на свет Божий синего, бездыханного... Тут же уколы делать, стимуляцию... Пять дней после рождения не видела его. Никому из тех женщин, что в той палате рядом со мной лежали, детей не приносили на кормление и не показывали. Все наши детки были в реанимации, а мы целыми днями ревели... На пятый Антошин день пошла к дверям реанимации, умоляла вынести его, показать... плакала. Говорила: не уйду отсюда, пока не покажите мне моего сына. Хочу видеть, что он жив! Наконец, вынесли, показали... Бедный мой, бедный, какой же у него был измученный взгляд!.. Но какой осмысленный! А доктор пугала: «После такой долгой асфиксии дети обычно остаются идиотами».

– Так и сказала?!

– Спокойно так сказала, как о самой обыденной вещи... Сами они идиоты! Стопроцентные! А Господь – добрый и мудрый. Только Его милостью мы остались живы. Но все Антошкины проблемы со здоровьем – это оттуда... тяжёлая беременность, тяжёлые роды...

– Но всё-таки спать-то он уже начал?

– Спать потихоньку, слава Богу, начал. А в первые месяцы спал, как птичка: не спал, а дремал, чутко так, от малейшего шороха тут же просыпался... Но сейчас уже лучше. Потому что мы почти всё время на воздухе. Особенно хорошо спит в дождь... Врачи сказали, что Антон родился практически без иммунитета. Говорят: таких детей надо держать в скафандре. Говорят: держите его на своём тринадцатом этаже во избежание контактов с внешним миром, с детьми, с животными, с растениями... А я думаю: если держать ребёнка взаперти, то как же этот иммунитет выработается? Так что мы врачей слушать-то слушаем, но выводы делаем свои. Противоположные. Целыми днями гуляем! Или в лесу, или в сквере, или на лоджии...

– И ты не боишься?

– Нет. Я же вижу, что ему с каждым днём всё лучше...

* * *

Мне кажется, Мой Клоун часто посещает наш остров...

Две енгитаровские афиши на стенах моего дома. Теперь никто их не сорвёт и не уничтожит – ни Фёдор, ни Безухов. Теперь они живут свободно на стенах моего дома, и крупные, красные и синие буквы привлекают внимание моего мальчика...

* * *

Да, спасибо Фёдору, он стал моим невольным благодетелем. Господь его руками устроил мне эту маленькую обитель, гнёздышко на тринадцатом этаже.

Но не успела я подумать: «Спасибо Фёдору!», как на следующее утро приходит мама, мы идём все вместе гулять на Берёзовую аллею, и мама заводит очень странный разговор:

– У Фёдора родители очень старенькие...

– Не такие уж старенькие, наша бабушка старше.

– Ну, всё-таки по семьдесят лет обоим. Трудно им одним в селе.

– Вы хотите их взять к себе?

– Да ты что?! – испугалась мама. – Нет, это невозможно.

– Тогда какой выход?

– Вот мы с Фёдором и подумали: а не поехать ли тебе жить к ним в село?

– Мне?! Поехать жить к чужим старикам? Да я их видела всего пару раз в жизни.

– Ну, и что?

– И как вы себе это представляете: я с больным младенцем на руках еду куда-то за тридевять земель в глухое село...

– Не такое уж и глухое. Там дорога близко проходит.

– Мама, о чём ты?! Врачи говорят: Антона вообще лучше из дома не выносить, и ни в коем случае не менять климат, а ты меня хочешь куда-то отправить за кудыкины горы! Там даже воды нет!

– Почему? Там колодец во дворе.

– Спасибо! Колодец во дворе, печка в хате, дровишки... Ещё, наверное, имеется цинковое корыто столетней давности, чтобы купать младенцев...

– Ну, чего ты заводишься? Можешь взять Антошину ванночку. Вообще возьмишь всё, что тебе нужно. Мы тебе поможем доехать.

– Спасибо! Спасибо, мама. Какие же вы все заботливые! Всё уже обдумали. А как вы себе это мыслите: грудной младенец, плюс два старика... И всё это на меня одну?

– Но ты же всё равно ничего не делаешь! – сказала мама.

– А... вот в чём дело! Боитесь, что я умру от безделья? А ребёнок на одних руках? А институт? Впереди ещё три курса! И это означает НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЮ?!

– Ну, чего ты заводишься с пол-оборота? – изумилась мама. – Что я такого сказала? Ребёнок у тебя ангел, я не думаю, что ты так уж с ним устаёшь. А институт... ты же на заочном. На экзамены будешь приезжать. Главное: там чистый воздух.

– Ну, если жару и степную пыль можно назвать чистым воздухом...

– Не всегда же там жара, – сказала мама.

– Когда не жара, то грязь по колено. И вокруг – вредные предприятия и зловонные дымы... Помню, помню я этот чистый воздух... не забыла ещё. Скажи, мама: почему ты хочешь услатить меня в эту дыру?

– Но нужно же как-то решать эту проблему!

– Но почему проблему Фёдоровых родителей, с которыми я практически не знакома, должна решать я?!

– Ну, хотя бы как-то отблагодарить Фёдора за квартиру надо?

– Отблагодарить за квартиру тем, что уехать с этой самой квартиры? То есть – отблагодарить за подарок, отказавшись от него? А не много ли Фёдор хочет?! Да и не стоила эта квартира ему ни копейки!

– Но он хлопотал...

– О себе! Только о себе! Чтобы от меня наконец-то избавиться, чтобы глаза я ему больше не мозолила!

– Не важен повод, важен – результат. Ты теперь имеешь крышу над головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.